

Юлия Эфф

Муть 1
Владычицы

18+

Юлия Эфф

**Путь Владычицы:
на крыльях Тьмы**

«Автор»

2026

Эфф Ю.

Путь Владычицы: на крыльях Тьмы / Ю. Эфф — «Автор», 2026

Кайя - дочь самого могущественного фрейя короля Асвальда. Свои крылья Тьмы Кайя ещё не получила, а потому больше похожа на человека, чем на родных с ящероподобной внешностью. Она наивна, добра и непосредственна, не похожа на своих распущенных сестёр. Однажды жизнь фрейев изменится. Во Фрейнлайнд придут рабы - давние враги фрейев и adeпты Света. Что случится, если Кайя влюбится в мага Света? Получит она свои крылья или откажется от них? Или Свет победит Тьму? А может, и наоборот...

© Эфф Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Две промашки мастера Оржана	5
2. Карамалийцы	11
3. Наказание для виновных	15
4. Кайа и луна	20
5. Рыжий Торвальд	25
6. Преступники	32
7. Цена любви	38
8. Месть Марны	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юлия Эфф

Путь Владычицы: на крыльях Тьмы

1. Две промашки мастера Оржана

Порыв воздуха раздул парусом занавески и прошёлся по приёмной террасе. Оржан Лотт, мастер над рабами, невольно повёл головой, подставляя лицо под ласкающий сквозняк, рука машинально оттянула горловину и опустилась – будь он у себя, давно бы снял кожаный дублет, под которым рубашка насквозь промокла от пота. Но на переодевание после прибытия корабля не было времени – оно ушло на разбор потасовки между новенькими рабами и бродарями¹.

На верхних этажах намного прохладнее, чем внизу, у раскалённой земли. Но даже после нескольких минут пребывания в холодных стенах тело по-прежнему хранило память об уличном зное, ибо долог путь от пристани до замка и от ворот замка до проклятушей сотни ступеней сначала в него, а потом – в королевскую башню с Сердцем Тьмы.

Фрейи делают вид, будто для гостей подъём на верхний уровень – необходимое усилие. На самом деле, испытание лестницей придумано для того, чтобы сбить спесь с высокомерных визитёров и вызвать у них туманящие разум жажду и одышку. Для своих, разумеется, подъёмника не стали делать, ведь главные жилы верхних этажей – только фрейи, а у них есть крылья, которые позволяют королевской семье вообще не опускаться на грязную землю и парить между посадочными террасами на разных этажах. К большому сожалению фрейлеров (тоже детей Тьмы), крыльев тем не полагалось, как и шанса однажды занять престол, принадлежащий только потомкам могущественных фрейев.

Существовал, правда, небольшой подъёмник из кухни наверх для доставки еды и сбора посуды, но кататься на нём дозволялось королевским отпрыскам и лишь когда они были несмышлёными бескрылыми детьми. Горан однажды на возмущение мастера Оржана, пыхтящего от кажущегося бесконечным подъема, ядовито предложил воспользоваться услугой кухни, и Оржан Лотт больше не жаловался, чтобы не провоцировать помощника Его величества на другие шутки.

Король заметил машинальный жест уставшего посетителя и снисходительно улыбнулся: – Мы не будем вас задерживать, Оржан-дан. Ваш доклад был исчерпывающим, как обычно. Хотите ли добавить нечто, требующее отдельного внимания?

Мастер задумался всего на мгновение и вежливо поклонился:

– Благодарю, ваше величество. Не могу отметить ничего особенного. Рабы отправлены на отдых, вечером смотр. Будут ли у вас особые пожелания, ваше величество?

– Никаких. Ты же знаешь, Оржан-дан, я давно пресытился. Тем более, если нет «ничего особенного», – ирония в голосе короля заставила мастера над рабами тонко улыбнуться, но глаз он не поднял, продолжая смиренно стоять в ожидании мелких указаний.

Король пошуршал одеждой, вставая с трона, и спустился к стоящему у ступеней мастеру. Приблизившись, похлопал его по плечу:

– Лишь бы мои девочки были довольны. Им нужно набираться силы. Ступай, Оржан-дан, благодарю за службу, – король обернулся на помощника, что-то записывающего за высокой стойкой. – Горан, на сегодня аудиенции закрыты. Закончи с Оржан-даном, проследи за полной выплатой и можешь быть свободен до вечера. В восемь жду тебя.

¹ Бродарь – (здесь) простой матрос – авт..

Не объясняя никому из присутствующих, куда он направляется и зачем, король прошал к занавескам. Случайно или нет, очередной порыв ветра раздвинул их, и Его величество, король фрейев Асвальд Второй, замер у края террасы. За мгновение до того как он нырнул в пустоту, за спиной короля взметнулись чёрные крылья, сотканые из тьмы, Асвальд воспарил и улетел по направлению к горам на востоке. К нему присоединились две похожие крылатые фигуры, и вскоре три тени исчезли за дымкой облаков.

– Его величество – неутомимый страж наших мирных судеб, – пробормотал мастер Оржан, разбавляя паузу, ибо Горан продолжал скрипеть пером. Король ежедневно делал обход, то есть, облёт Фрейнлайнда, а то и дважды – утром и перед заходом солнца. Но деньгами не распоряжался, за него это делали другие. Поэтому гость остался топтаться на месте. – Всё ли благополучно на границах?

– Вполне, – пробормотал Горан. К дописанному поставил печать, сложил бумаги и канцелярию в ящики под крышкой стойки, закрыл их на ключ и только потом обратился к взмокшему от жары посетителю.

Двадцатипятилетний фрейлер и помощник короля, внешне напоминающий Асвальда тёмными волосами, пристальным взглядом чёрных глаз, стройной фигурой и некоей неуловимой силой, исходящей от голоса, спустился по ступеням к подножию. Оржан в который раз подумал, что Горан становится всё более похожим на дона Инграма, старшего сына короля.

Но чужие тайны, даже плохо спрятанные, не дело низшей касты, и даже возвысившимся простолюдином, не положено совать нос, куда не просили. Поэтому Оржан подавил подобострастие перед силой тьмы и добродушную улыбнулся, а затем, наконец, расстегнул пару верхних пуговиц, позволяя сквозняку охладить мокрую шею.

– Ну, а для меня, Оржан-дан, неужели для своего друга вы не привезли ничего стоящего? – помощник насмешливо наблюдал за гримасой облегчения. – Удивлён, что вы до сих пор не адаптировались к лету.

– Я привык в это время прохладиться на корабле... Проклятые карамалийцы! Тьма побрала бы их всех вместе взятых! Пока сюда плыли – драка за дракой, на пристани...

Горан сделал приглашающий жест следовать на выход, и двое направились к лестнице, не обращая внимания на замерших статуями охранников.

– Вы думаете, какой-нибудь карамалиец придётся мне по вкусу? Что же это за рабы, ради которых вы второй раз за полгода топите корабль? Так на вас и флота не напасёшься, – со смехом сказал Горан, обрывая ворчание мужчины, который умел напускать на себя свирепый вид и успокаивать рабов одним взглядом.

Оржан не оценил шутки:

– Малерийцы первыми напали на нас, как я и докладывал его величеству. А контрибуция их рабами, выловленными из океана, была вполне справедлива, по словам самого принца Ядрана...

– Не повторяйтесь. Я всё слышал с первого раза.

– Значит, и про причину потопления первого корабля вы тоже в курсе, – Оржан позволил себе ответный укол. Пока фрейи не признают Горана своим, Оржан будет держаться своей первоначальной линии поведения с очевидным бастардом.

Горан ухмыльнулся:

– В курсе. Но я о том, что у вас привозить контрибуционных рабов уже входит в привычку, – усмехнулся. – Жаль, что среди плененных карамалийцев нет девушек. Кар-малерийцы² самое вкусное оставляют себе.

– О, относительно десерта можете не переживать, специально для вас...

² Малерийцы и карамалийцы – южный народ, живущий по ту сторону моря, разделяющего Фрейнлайнд и Кар-Малерию. Местную высшую касту, магов, называют малерийцами, а коренных жителей, простолюдинов – карамалийцами.

Топот бегущих ног и тяжёлое дыхание кого-то, спешащего по лестнице вверх, но пока не видимого из-за колонны, оборвало неспешный диалог мужчин и вынудило замереть в ожидании. Горан небрежно заложил пальцы за пояс – в задних ножнах покоился клинок, привычка, навязанная Его Величеством.

Из-за колонны вылетела юная темноволосая девушка, за ней небольшой клубок тьмы, и Горан мгновенно переместил руки перед собой в замок. Увидев мужчин, фрейя лет семнадцати резко остановилась. Её смущение напополам с плохо скрываемым любопытством заставили улыбнуться смешливого Горана. Не дожидаясь вопроса, куда она бежит, первой выпалила, обращаясь к мастеру над рабами:

– Мастер Оржан-дан! Сёстры сказали, что вы привезли малерийца с белой косой!

Мужчины переглянулись, и мастер успел ответить первым:

– Ваши сёстры, моя доннина, обладают отменным чувством юмора. Увы, малерийца с белой косой в этот раз нет и вряд ли будет в ближайшие годы. Только карамалийцы. Есть с косами, есть – без. Среди них несколько слабеньких магов. Вы сможете выбрать себе любого вечером, сразу, как только товар приведут в порядок.

– Оржан-дан, боюсь, что выбор пока не зависит от моей доннины, – Горан насмешливо поклонился, намекая на юный возраст принцессы, в котором не полагались рабы.

– Я и не собиралась. Просто хотела посмотреть!.. Аша, за мной! – фыркнула девушка, развернувшись и пошла обратно, бормоча коварные обещания в адрес старших сестёр, заставивших её взбираться на башню. Монолог, судя по всему, предназначался клубящейся тьме, послушно порхающей за хозяйкой.

Тем временем, мужчины неспешно продолжили свой путь, тоже вниз.

– Ещё немного, и принцесса Кайа получит свою тьму, – спокойно сказал работорговец, – надеюсь, её запросы не будут выбиваться из общего ряда. Иначе мне придётся топить корабли десятками.

Горан засмеялся:

– У вас есть два года, чтобы свыкнуться с этой мыслью.

Мужчины дошли до первой широкой площадки, и помощник короля снова сделал приглашающий жест – на этот раз в сторону коридора, уходящего к персональным покоям. Среди них были выделенные помощнику, как фрейлеру, вынужденному всегда находиться под рукой его величества.

– Не желаете испить холодного рафа³ с дороги?

Мастер Оржан невольно провёл языком по сухому нёбу и с сожалением поклонился:

– В другой раз, Горан-дан. Боюсь, после вашего рафа я не смогу добраться к себе, чтобы снять этот шархалов панцирь. А нагревается он на местном соларисе, поверьте, быстрее, чем раф в руках малерийца-огневика.

Помощник хохотнул, хлопнул собеседника по плечу, повторяя жест короля, и пообещал сохранить своё предложение до следующего раза, хотя бы до вечера. Мастер Оржан согласился, что после оплаты его работы это будет самым уместным поводом. На том и порешили – после осмотра рабов мастер Оржан получает свои монеты, а завтра окажет честь и нанесёт другу визит в более комфортном, нежели сегодня, одеянии, подходящем для распивания прохладительного рафа.

– ... Всё случилось, когда мы огибали Слепой Утёс – по «Чёрной Аше» внезапно ударили малерийцы...

³ Раф – слабоалкогольный напиток, чаще подаётся холодным.

Фендрик⁴ с «Сердца тьмы», чьё судно шло следующим за упомянутым кораблём, замолчал, чтобы хлебнуть рафа и любовно поправить оборку на лифе девушки, сидевшей на коленях молодого офицера. Быстро разнеслась по Фрейнлайнду весть о том, что опять вернулось меньше на одну торговую каравеллу.

Прошлый случай был до безобразия нелеп и вызвал злорадные ухмылки среди простолюдинов: Мастер Оржан Лотт так кичился своей удачливостью, что его поздравили с промашкой, ибо тот, кому постоянно везёт, вызывает подозрения – будто он заключил договор с Тьмой Охраняющей, которая, как известно, только с фрейев не берёт высокой оплаты.

Первая промашка случилась, когда полгода назад он точно так же плыл с товаром домой. У цепи подводных скал с названием Челюсти Бога каравеллы, как обычно, замедлили ход, с осторожностью обходя потенциальное кладбище для самонадеянных моряков, а потом и вовсе остановились.

Причиной явилась небольшая встречная торговая флотилия арнаахальцев, прокладывающих новый морской путь (кстати, к тому времени уже продавших свой товар и закупившихся во Фрейнлайнде). Они, конечно, не имели сведений о траектории перемещения мастера Оржана, главного снабженца королевства Асвальда Второго.

Глупо вышло – боцман арнаахальского судна, заметно уступающего размерами встречному, и механик идущей первой фрейской каравеллы обменялись колкостями. Слово за слово – и к перепалке подключились матросы. Арнаахальцы, хоть народ и не воинственный, в ответ на очередное оскорбление в сердцах зашвырнули катапультой на палубу фрейской «Вивы Гард» бочонок с лампадным маслом, желая своим конкурентам «подавиться самонадеянностью». И уже собирались было повернуть бушприты и сменить курс, чтобы обогнуть известных во Всемирье слуг Тьмы, как удача изменила последним.

Дело близилось к вечеру, и размахивавший факелом моряк растянулся на скользкой палубе. Арнаахальское жирное масло оправдало своё высокое качество – и «Виву Гард» объело голодное пламя...

Разбирательства, к сожалению для арнаахальских неопытных мореплавателей, закончились быстро и не в их пользу. Мастер Оржан, появившийся на своём «Сердце тьмы» аккурат к спасению всплывшего товара, пообещал «виновным» быструю расправу от имени Его Величества Асвальда Второго за порчу его имущества. Арнаахальцы, пару часов назад расставшиеся с упомянутым хозяином самых больших крыльев во Всемирье, безропотно отдали контрибуцию – тюки знаменитой фрейской ткани и несколько бочек злополучного масла. А также дюжина арнаахальских бродарей-зачинщиков лишилась свободы. Теперь они были обязаны отработать два года на рудниках Асвальда Второго, чтобы возместить часть ущерба.

Так товар, проданный на Фрейнлайнде, впервые вернулся домой и вместе с ним – дюжина арнаахальских насмешников. Можно было не сомневаться, арнаахальские корабли ещё не скоро приплывут в эту часть Великого океана.

Спустя полгода половина арнаахальцев успела сложить свои кости на руднике, и Асвальд готовился озвучить помилование для выживших и отправить их домой, чтобы показать милосердие Тьмы Карающей и заодно пригласить арнаахальцев для возобновления торговли, ибо и у них было то, что не производилось или не могло произрастать во Фрейнлайнде.

– Почему на вас напали малерийцы? Они захотели войны? – спросила девушка молодого человека, недавно произведённого в чин помощника капитана.

– Как бы не так! Какой малериец в здравом уме захочет повторить Столетнюю войну Света и Тьмы? У малерийцев-бедолаг только-только магия начала восстанавливаться, им сейчас тише морской звезды надо быть... Нет, те дурни со страху выпустили огненные шары, зре-

⁴ Фендрик – Разг. устар. В армии: шутливое или пренебрежительное название молодого человека, недавно произведенного в офицеры.

ние сигнальщика подвело. Что ему там привиделось, не знаю, но решил он, что... – помкапитана склонился к девичьей шее и оставшуюся часть фразы пробормотал в неё, щекоча бородой смуглую, впитавшую загар кожу.

Девушка хихикнула. Но рядом находились и другие люди, поэтому девица притворно сердито отстранилась:

– И что случилось потом, милый? Не томи нас, все хотят знать подробности!

Помкапитана так же притворно изобразил недовольство. Однако видел, что его внимательно слушают все, кто сейчас возился с печкой, чисткой кореньев и резкой мяса, месил тесто, скоблил котлы и лопаты для подачи хлеба в печь – добрый десяток кухонной obsługi. А значит, нужно было закончить историю, чтобы не оскудела сытная закуска к рафу, да и выгнать могли постороннего. Бесполезного, отвлекающего. Пока зритель не узнал. И молодой человек с удовольствием продолжил:

– Магия у малерийцев, я ж говорю, восстанавливается. Тридцать лет им пошли на пользу. Если даже ихние карамалийцы начали что-то из себя представлять...

– Так малерийцы или карамалийцы на вас напали? – не выдержал плотный мужчина, возившийся с огромным куском теста.

– По сути малерийцы, ведь это их флот был. А так-то, конечно, первыми шли разведчики-карамалийцы, в главных у них были два малерийца-огневики, – помкапитана закинул в рот полоску нарезного копчёного мяса. – Ударили знатно – паруса загорелись от трёх бейларов, выпущенных по «Чёрной Аше». Так капитан Пелле рассказывал. Не успели катапульту поднять, от них бахнуло по корме – и всё. Пробойна была слишком существенной...

– Среди наших есть потери?

Фендрик вздохнул, с сожалением отпуская от себя девушку:

– Слава Тьме Охраняющей, кажется, из бродарей только двоих или троих потеряли, должно быть, они рядом с пробойной сидели.

– Ну, а капитан Пелле успел карамалийцам навалить-то? – спросил парень с лицом, чёрным от сажи, он давно стоял с полными ведрами золы и никак не мог уйти, захваченный историей.

– Какой там! – усмехнулся помкапитана. – Едва карамалийцы продрали свои глаза и увидели, на кого напали, бросились помогать. Вытащили всех наших к себе, потом сами за товаром ныряли... Много вытащили. Но это им не помогло...

Девушка вернулась с полной кружкой рафа, садиться на колени не стала, прислонилась бедром к столу:

– Правду говорят, будто карамалийцы тоже отрачивают косы, как у хозяев?

– Только те, у кого магия проснулась.

– Они тоже светлые, как малерийцы?

– Я бы не сказал, но... – помкапитана притянул к себе девушку, – женщинам такие смазливые нравятся. Думаю, тех, что нам отдали, донны оставят себе, на рудник не отправят.

– Значит, новые рабы всё-таки хороши? – провокационно засмеялась девушка, накручивая на палец кудрявый короткий локон ухажёра. Отпаривать намёк фендрик не успел: месивший тесто мужчина бросил своё занятие и упёрся руками в стол, нависая над белой горой, дышащей дрожжами:

– Это ж сколько новых ртов нам кормить? Говорят, у малерийцев вкус, как у всех капризных магов – подавай по три раза на дню свежее.

Помкапитана фыркнул:

– Три дня на хлебе и воде им пошли на пользу – присмирели малёхо. Правда, есть среди карамалийцев один рыжий, тот точно полбыка за один присест умнёт. Ему хлеба давали двойную порцию, решили не портить товар до решения милостивых донн.

Повар вздохнул и осуждающе покачал головой. Поток вопросов к помкапитану «Сердца тьмы» не иссяк, рассказчик он был так себе, поэтому слушателям пришлось наводящими вопросами узнать все детали и объединять в общую картину.

Как только карамалийцы с корабля-разведчика поняли свою ошибку, всеми силами попытались её исправить. Экипаж с «Чёрной Аши» перетащили себе на борт, вручили по кружке недурственного малерийского вина, укутали, а сами бросились спасать товар. Даже когда из воды торчала одна рея затонувшего судна, карамалийские бродари продолжали нырять и вытаскивать тюки с помощью спасательных канатов.

Поскольку за разведчиками следовали два других малерийских корабля, то первыми на помощь пришли сами принцы Ядран и Давор, плывшие на центральном фрегате. Они лично сошли на палубу провинившегося экипажа и встретили мастера Оржана с извинениями. Прояснилось, мол, недавно была стычка с арнаахальцами, их решили проучить и пустились в погоню, а дозорные сдуру или перепугу не обратили внимания на знаменитые чёрные знамёна, ибо у тех арнаахальских контрабандистов развевались похожие.

Как бы то ни было, ущерб пришлось восстанавливать. Мастер Оржан, готовый поначалу порвать на куски малерийцев, был в конце концов очарован их искренним сожалением и учтивостью. Но память о предыдущей ошибке, когда вместо целой каравеллы в порт Фрейнлайнда приплыло две трети товара и всего дюжина дополнительных рабов, не позволила пойти на уступки, пусть даже малерийцы обещали дать откупные в полном объёме.

Мастер Оржан представил себе ухмылки знакомых и на этот раз потребовал здесь и сейчас возместить ущерб малерийским кораблём. Но светлокосые принцы вдруг упёрлись, наотрез отказавшись от подобного варианта. В результате торгов сошлись на знакомой мастеру Оржану схеме: взбешённый повторной неудачей, он потребовал ни много ни мало – кроме простых матросов-кармалийцев, ещё и тех, что запускал бейлары, то есть полумагов. Хотя судьба виновников и казалась невыносимо ужасной (ни один малериец не дал бы себя выпить Тьме), сломленные страхом перед войной принцы согласились.

Малерийцы помогли перетащить выживший скарб «Чёрной Аши» на две каравеллы фрейского торгового флота, а затем слёзно попрощались с товарищами, ныне ставшими заложниками Асвальда Второго, и пообещали как можно скорее вернуться с многочисленными дарами, чтобы освободить их из плена.

Итого, мастер Оржан привёз с собой (на этот раз не размениваясь на дюжину) пятнадцать карамалийцев-простолюдинов и семерых длинноколых полумагов, ибо священный трепет малерийских принцев перед Асвальдом Вторым воистину позабавил торговца живыми душами, добавляя к азарту наглости и помогая увеличить сумму контрибуции.

Пусть на аудиенции у короля мастер Оржан скромно назвал новых рабов товаром без примечательных особенностей, чтобы понизить их в собственных глазах, все (и Асвальд Второй в том числе) прекрасно понимали: некоторые рабы в этот раз –непозволительно особенные, а значит и их, и их будущих хозяев ждут незабываемые минуты общения.

2. Карамалийцы

Введённая в заблуждение старшими сёстрами, Кайа после встречи с Гораном и мастером Оржаном ушла в свою комнату похныкать. Забралась на кровать и натянула на себя покрывало, представляя себя укутанной Тьмой Утешающей. Сопровождающее девушку облачко тьмы забралось в щель и прильнуло к тёплой груди.

– Клянусь, Аша, запомни! Как только я получу крылья, обещаю: они пожалеют, что потешались надо мной! – она попыталась было всплакнуть, но привычка к постоянным розыгрышам от сестёр сделала своё – ни слезинки не выдавилось, только пальцы в гневе сильнее сжали край покрывала.

Кайа ещё несколько минут просидела так, заочно проклиная обидчиков, устала и спрыгнула с кровати, приказывая тьме:

– Всё равно я их увижу первой! Аша, за мной!

Она покинула комнату, и от порыва дверного сквозняка колыхнулась ткань, закрывавшая большое, в полный рост, зеркало. Младшая восемнадцатилетняя дочь владыки Тьмы, ещё пока не имеющая крыльев и вынужденная перемещаться по дворцу собственными ножками, легко сбежала по башенной лестнице к сети переходов, ведущих в разные служебные помещения и во двор. Нырнула в один из тёмных коридоров и вскоре замедлила шаг.

Ход вёл к этажу над темницей для королевских рабов. Те, что не представляли интереса для господ, содержались ближе к руднику – подальше от тонкого слуха Его величества, ибо там с непокорными обходились намного строже.

Куда идти, Кайа знала: полчаса назад, по дороге в отцовскую приёмную башню, встретились две служанки с одеждой, снятой с карамалийцев, – в стирку. Значит, полезных рабов, по традиции, сначала помогают, натрут благовонными маслами, проведут внушение, как себя вести перед владыками тьмы, и только потом сопровождают в господские смотровые покои. Сёстры и брат слишком гордые, чтобы подглядывать за рабами, а Кайа, пока не пришло её время, ничего, как-нибудь переживёт сегодняшний позор, если о нём доложат матери.

Чтобы исполнить задуманное, пришлось вскарабкаться в вентиляционную шахту, соединённую с купальней. Кайа поморщилась от душного влажного воздуха, поднимавшегося снизу, но прикусила губу и поползла по каменному узкому лабиринту до цели – решётки и улеглась возле неё. Отсюда, сверху, превосходно было видно всех карамалийцев и охранника, стоящего у входа с хлыстом, который дымился тьмой, а также троих фрейских слуг, подливавших пленникам в их большие бочки горячую воду и подносявшие мыло и щётки.

На самом деле, картинка была так себе: много ли увидишь сверху? Двое рабов пару раз перебросились фразой на своём языке, но хлыст почти одновременно щёлкнул, касаясь неприкрытой части спин болтунов. Очевидно, это было больно, если судить по вздрогнувшим собеседникам, но поскольку последовала вторая и третья провокация, то можно было не сомневаться – рабы попались на редкость упрямые.

– Говорите на общем языке! – опять рявкнул слуга, двухметровый надсмотрщик.

– А скажи, любезный, что нас ждёт после омовения? – вдруг спросил карамалиец без косы, с мокрыми волнистыми прядями, ниспадающими на плечи неплохой (так виделось сверху) мужественной спины.

Этот карамалиец до сих пор молчал, предоставляя удовольствие получать удары двум своим соратникам – рыжему великану и тощему брюнету с косой. Но вот он заговорил, и Кайа поёжилась: мурашками покрылись руки – до чего был привлекателен голос раба, лица которого не было возможности рассмотреть!

– То же, что и других рабов! – осклабился надсмотрщик. – Ты помылся, раз уже болтаешь? Вылезай, значит!

– Благодарю, любезный дан, мне ещё немного осталось, – миролюбиво проворчал спокойный карамалиец, очевидно, подразнив своим послушанием тощего. Тот фыркнул короткое слово на карамалийском, и хлыст опять лизнул спину с двумя красными полосами.

Больше карамалийцы не произнесли и слова даже на своём языке. Кайа устала ждать интересного диалога, выползла из шахты и провела рукой по влажному платью. Клубок тьмы сразу бросился облизывать свою хозяйку, и платье быстро высохло. Затем принцесса, не отказываясь от своего первоначального намерения, свернула в очередной коридор, дошла до лестницы, спустилась на этаж, и снова знакомыми ходами вывернула к темнице.

У встретившейся служанки забрала стопку белья, шикнула с деловым видом, мол, сама отнесёт, и направилась к двум вооружённым охранникам у двери в подземелье. Те помедлили, тарашась на гостью: приказа не пускать принцесс не поступало, да и сама младшая дочь Асвальда здесь редко появлялась. Кайа с высокомерным видом повторила раздражённый свист, и перед ней мгновенно растворили двери.

Она, наконец, вошла в вожделенную комнату с рабами и растерялась настолько, что застыла, прижимая к себе стопку белья. Но не скопление повернувшихся к ней полуобнажённых мужчин с обёрнутыми вокруг бёдер простынями стало причиной изумления – на побережье рыбаки, привыкшие к палящему соларису, часто мыли и чинили рыболовные сети, сняв с себя верхнюю одежду. Просто эти рабы... эти карамалицы...

Кайа осталась недвижимой, даже когда один из НИХ направился к ней, и у дверей дёрнулся охранник с хлыстом. Если карамалийцы ТАКИЕ, то как выглядят их господа, маги-малерийцы?!

– Забыла, за чем шла, красавица? – насмешливо, со знакомым лёгким чужеземным акцентом проговорил сероглазый брюнет, чьи волосы ещё не успели высохнуть и продолжали виться тонкими локонами до плеч, в самом деле, мужественных, какими они показались сверху.

Он протянул руки, чтобы забрать принесённую одежду, и Кайа отметила про себя его высокий рост – ему, как и Горану, она доставала до груди. Но Горан считался фрейлером – простолюдином, в котором отозвалась тьма дальних предков, а значит, внешность была облагорожена. Этот же сероглазый темноволосый сверстник Горана – тоже всего лишь простолюдин, при том мелкий по сравнению с рыжим красавцем, ниже на голову. Но заметно стройнее...

Хлыст свистнул в воздухе, охранник рывкнул:

– Не смей разговаривать с госпожой!

Изумление плеснулось в серых глазах под густыми ресницами. Раб поморщился от удара, но тут же во всём лице – в светлых радужках, поднятых бровях и на белоснежных зубах, напоминающих аккуратный дорогой жемчуг, – заплескалось веселье. Карамалиец полуобернулся к соратникам, что-то сказал короткое, и те вдруг загоготали, кроме самого того рыжего, с яркими зелёными глазами – он усмехнулся немного грустно, принял от товарища стопку белья и пошёл к грубо сколоченной скамье.

Хлыст запел, обжигая, даже несмотря на явный загар, светлую кожу рабов. В один из взмахов тьма задела Кайю, и принцесса вопросительно обернулась на охранника – тот сразу виновато опустил оружие для наказания.

Воспользовавшись заминкой, разговорчивый весёлый карамалиец разогнулся, поднимаясь во весь рост и с долей любопытства окинул взглядом смуглое лицо юной госпожи, задержавшись на чешуйчатых полосках, которые шли от виска и вдоль скулы, подростково-неровные, и ещё не успели оформиться в красивый рисунок:

– Мои земляки и я благодарим вас за госте... – шипение тьмы оборвало фразу, но очередной удар, как и предыдущие, не расстроил красавца, преклонившего колени машинально, из-за боли.

И он снова моментально выпрямился, отступил и потянул в сторону один из концов простыни, обёрнутой вокруг бёдер, как бы намекая: не дают нам поговорить, так хотя бы посмотри на меня, оцени, каков я. Кайа развернулась и выбежала под хохот в спину. Внезапно находиться здесь оказалось невыносимым. Захотелось заплакать и разбудить срочно Тьму, чтобы ярость, обида и недоумение вырвались наружу и больше не отравляли веру в себя, веру во фрейев.

Невозможно было выносить восхищение природной привлекательностью всего лишь карамалийцев, которые, по словам учителя Вилфрида, являлись жалким подобием светловолосых малерийцев, сосуда магии Света.

Да, Тьма на протяжении столетий показывала своё превосходство над Светом, раз за разом отражая его безуспешные попытки одержать верх. Тьма набирала силу, поглощая магию светлых, и, можно сказать, выросла благодаря малерийцам, как и центральная часть Фрейлайнда: дворец и все выдающиеся архитектурные постройки возвели пленные малерийцы.

И всё же маги света напоминали невероятное игрушечное хрупкое чудо. Против фрейев, чья кожа стала темной, как ночные сумерки, карамалийцы походили на нежный рассвет, сладко потягивающийся в своей неге после сна. И глаза – Кайа вздохнула – светлые, словно небо или вода в Прибрежье. Какая, должно быть, сладкая у них была магия!

Да, последняя война между Тьмой и Светом длилась слишком долго. Магия в Кар-Малерии возрождалась, затем очередные провокации, стычки с фрейями, поглощающими любую магию легко, подобно ночи, неизбежно сменяющей день, – и всё начиналось сначала. Возможно, упрямство было наследной чертой всех жителей Кар-Малерии. Это Кайа почувствовала, хотя наследия Тьмы в ней самой пока было ничтожное количество. Небесный праотец Вечный Мрак подарил своим детям самое ценное – умение чувствовать предательство и злые намерения, ибо ничто так не притягивается, как себе подобное.

Учитель Вилфрид, опытный путешественник, посетил все ближние земли Всемирья и поэтому много знал (за что и был приглашён в наставники к наследникам Асвальда Второго). Он объяснял: возрождение Света не даётся малерийцам легко – они вынуждены приносить жертвы. Вилфрид сам лично присутствовал однажды на таком жертвоприношении, и был, по его словам, поражён.

Его рассказы убедили Кайю в дикости нравов малерийцев и их преступном отношении даже к самим себе. Так чего их жалеть? Например, восточные дикари каждый год приводят своих непорочных детей фрейям, песнопениями поддерживают обряд и потом благодарят покровителей за милость. Поэтому только тот, кто принимает дар, имеет силу. Кто готов отдать себя на растерзание – всегда слаб.

Лет пять назад мастер Оржан тоже раздобыл карамалийцев с магией, и тогда рабы помогли старшей сестре Марне и брату Инграму развернуть оба крыла, их тьма напилась и окрепла благодаря светлым. Но в то время Кайю процесс становления не волновал, она всего-то пару раз подсмотрела, что делают Марна и Инграм во время визитов к рабам.

Процесс сбора накопившегося ресурса показался скучным, и Кайа больше никогда не подглядывала. К тому же матушка трижды брала её с собой на обряд для средних сестёр на Жертвенную Гору. Там в самую долгую ночь дикий народ возлагал дары и приводил своих непорочных детей для обряда – в знак почитания Тьмы Охраняющей и Помогающей.

На Жертвенной Горе над всеми сёстрами-фрейями проводили обряд. Прошлый год для Солвег стал шестыми, а для Улвы – вторым. Значит, в этот раз карамалийцы достанутся им. Если, конечно, отец не разрешит Марне и Инграму побаловаться. А для Кайи скоро, как только Тьма даст знак, дикие принесут первую жертву, и тогда уже Кайа будет отсчитывать семь жертвоприношений до окончательного взросления.

Да, ей не положены карамалийские пленники, но с каким удовольствием она бы выпила силу того, кто с удивлением и долей брезгливости рассматривал принцессу! А ещё хотелось потрогать их всех, узнать, чем пахнет их светлая кожа и длинные выющиеся волосы... Кайа

представила, как подходит к самому яркому и высокому, и он преклоняет колени, чтобы невысокая принцесса смогла положить ему руки на плечи...

Кайа резко остановилась. Да, тот здоровяк если и позволит потрогать себя, то при этом сохранит достоинство несломленного врага, явно презирающего фрейев!

«Смутсиг-литет-фрик» – кажется, это слово или фразу повторили трижды карамалийцы в присутствии Кайи, и каждый раз оно вызывало у них улыбки. Было ощущение, что рабы говорят о ней. Принцесса остановилась, подумала и изменила курс – к покоям Инграма, который лучше всех сестёр знал несколько языков, в том числе карамалийское наречие, благодаря Вилфред-дану. Кайа понадеялась, что брат будет у себя в это время, а не находится в дежурном полёте с отцом.

Она ошиблась – Инграм улетел. Побоявшись, что забудет иностранную фразу и вместо того чтобы записать его, скучающая Кайа отправилась на поиски любого офицера с судна, на котором привезли рабов. Им оказался новый помощник капитана «Сердца Тьмы» Кристер-дан, развлекавший на кухне свою невесту и прислугу.

– Кристер-дан, вы знаете малерийский? – не обращая внимания на переполох, вызванный её появлением, Кайа подошла к подпрыгнувшему и вытянувшемуся перед ней помощнику капитана.

– Н-немного, моя доннина, – ошалело ответил Кристер. Кстати, он был немногим выше принцессы, и Кайа почему-то на это обратила внимание. Взрослый фрейлер-фенрик достиг своего максимального роста, тогда как Кайе ещё предстояло немного вытянуться.

– Как переводится с карамалийского «смутсиг-литет-фрик»?

Темнокожее лицо помощника капитана дернулось. Он явно узнал слово, но решил, что не стоит озвучивать перевод:

– Это слово недостойно ваших ушей, моя доннина.

– Немедленно скажи! – Кайа гневно топнула ногой, и в кухне перестали греметь посудой. – Я тебе приказываю!

Кристер-дан опустил глаза и пробормотал:

– Возможно, это оскорбление, моя доннина...

– Быстро!

– «Смутсиг фрик» – «грязножопый урод». Так мне говорили.

– Хм, а «литет»?

Помкапитана неуверенно повёл плечами:

– Сожалею, моя доннина, я не силён в языках.

Не благодаря его и не отдавая приказ продолжать работу, Кайа стремительно, как и вошла, так и покинула кухню, вспоминая по дороге уроки малерийского. Вилфред-дан учил запоминать слова фразами или парами. Например, *mörk* и *ljus* – «тьма и свет», *klok* и *dumbom* – «мудрый и глупый»... Наконец, вспомнила: *stor* и *litet* – «большой и маленький»... Значит, оскорбление относилось точно к ней. Маленькая грязь... Девушка остановилась, провела рукой по зазудевшим чешуйкам на лице. Грязный уродец – вот, значит, кем для ничтожных карамалийцев была Кайа!

Внезапно тесно стало в груди, навернулись слёзы, и принцесса помчалась к единственному фрейю, понимающему её всегда, поддерживающему и никогда не насмехающемуся – матушке-королеве.

3. Наказание для виновных

Разглядев принесённую одежду, карамалийцы выругались в сотый раз.

– Проклятые ящеры! – Олоф расстроено натягивал штаны, вернее, некое их подобие – белые тонкие шаровары со сборчатой вставкой, прикрывавшей перед и зад, ибо ткань нещадно просвечивала на свету. Хлыст достал и до него, и Олоф взбесился, кидаясь в сторону охранника. – Ах, ты, ублюдочный!..

Его перехватили свои, задержали, пытаясь успокоить. Охранник не дрогнул, только в глазах промелькнула лёгкая тень испуга, и снова высокомерное выражение разлилось на смуглом лице.

Пришлось молчать, хотя даже на рыжем великане Торвальде (ему штаны только со второй попытки принесли более подходящего размера) те смотрелись узко и несуразно.

– Зато не жарко, – философски сказал Дыв, затягивая завязки на поясе. – Я думал, вообще голыми поведут... Э!

Хлыст огрел спину, оставляя очередной розовый след, и уже Дыв, единственный кто знал фрейский, обратился к охраннику:

– Дай мне их успокоить, болван! Или ты хочешь, чтобы мы здесь бунт устроили?

Охранник невозмутимо опустил хлыст, но больше его не поднимал, ибо обещанный бунт в самом деле мог состояться.

Новая служанка внесла небольшой сосуд, макнула туда рукой и показала пленным на себе, мол, надо натереться.

– Что за дрянь? – спросил Лаурис, приносясь к мази и косясь на окаменевшего охранника. – Это целебная мазь или?..

Дыв перебросился парой фраз со служанкой и перевёл:

– Говорит, просто благовония, чтобы господам не внушить отвращение запахом. У них обоняние, как у ... ящериц.

Рыжий Торвальд, когда Олоф приблизился с ладонью, наполненной маслом, отрицательно покачал головой. Тощий Янне отказался за компанию:

– Пусть нюхают, твари, чем пахнет нормальный человек.

Остальные всё-таки натёрлись и помогли друг другу.

– Что дальше? – спросил Дыв у охранника.

Их вывели из темницы, и на сей раз добавилось сопровождение: колонну заключили два стражника, ожидавшие снаружи темницы, и тоже с хлыстами.

Миновали три пролёта по каменной лестнице, свернули за угол, и носы уловили запах еды. Кто-то выразил надежду, что, может быть, их хотя бы покормят перед смертью.

– Твое желание сбудется, – буркнул Дыв.

Пленников привели в небольшую комнату, снова без окон, с тремя длинными столами и скамейками. На одном ожидали гостей плошки с кашей, деревянные ложки, два кувшина в окружении деревянных кружек и лежал аппетитного вида каравай хлеба.

Настроение немного улучшилось: ещё на каравелле, вечером в клетку швырнули два чёрствых караваев, таких же чёрных, как и сами фрейские бродари, да соизволили просунуть черпак с застоявшейся водой. Пообещали, что кормёжка в следующий раз будет на континенте, – и слово сдержали. Прошло полдня: пока пришвартовались, пока по знойной улице под молчаливое глаzenie толпы провели во дворцовую темницу, там часа два томительного ожидания и, наконец, купание.

– Ничего, есть можно, – хмуро поковырялся Грегор в чашке. – Дыв, спроси, чьё мясо.

В каше, сытной, сваренной с пшеном, виднелись тёмные куски. Карамалийцы осторожно пробовали, показалось съедобным, – и замолчали, уткнулись в плошки. Слегка жестковатая

говядина потребовала медленной работы челюстей. Только Олоф ковырялся, отодвигая мясо: зачатки друидской магии требовали больше растительной пищи, чем животной. У него забрали и поделили между голодными мясоедами.

Большая часть пленников, расслабившись от долгожданной пищи и сладковатого кваса, унеслась мысленно в проклятый день, когда боги посмеялись над карамалийцами, отвели глаза и лишили разума на какие-то минуты, чтобы потом повергнуть в позор наказания...

Идею принцев Ядрана и Давора, пожелавших увидеть Всемирье и набраться мудрости, поддержало много желающих – молодые карамалийцы и с десятка два магов, явно засидевшихся на родине. Ни о каких захватах территорий и провокациях в адрес фрейев речи не шло: принцы всего лишь планировали подняться на север, принести жертву на островах у Челюсти Бога и посмотреть, что там, дальше, на востоке, за фрейским и арнаахальским континентами, затем пересечь Океан Безвременья (на сколько хватит сил и провизии, чтобы ещё и вернуться).

Большинство из собравшихся были опытными моряками, хотя бы раз побывавшими на Арнаахале, но вдруг всех захватил азартный дух путешествия, и решили: почему бы и нет? Восторгу юных кар-малерийцев тем более не было предела.

Подготовились за месяц. К пристани пришёл сам король Стефан Мудрый благословить старших сыновей. На отсутствие младшего Исака, который поначалу больше всех бредил путешествием, но потом вдруг сник, тактично решили не обращать внимания. Все понимали: несмотря на радужность целей, в пути могло случиться всякое, а Кар-Малерии нужен наследник. Не вернутся старшие – младший поддержит отца.

Относительно Фрейлайнда наказ был наистрожайший: помнить о договорённостях, не провоцировать ящеров, не пересекать границу, установленную фрейями после победы над магами света, и вообще... Стефан Мудрый недаром так был назван подданными – будто предчувствовал несчастье...

Поднялись к Челюсти Бога, жертву принесли, как полагалось, напоив древнего уснувшего Создателя кровью молодых ягнят, – и можно было плыть дальше. Но получил принц Ядран откровение и должен был провести в молитве на Роге Бога, одинокой крупной скале-острове, что примыкает к Челюстям, – столько времени, сколько потребуется для святого подвига. Может, то была шутка Создателя? Молился Ядран дня четыре, успела молодёжь заскучать, как вдруг он вернулся и сказал, что молитва принята, можно плыть дальше.

Пустили в авангард корабль с карамалийцами под руководством молодых сыновей Торвальда, магов огня (те по дружбе с принцами выпросили себе должность). Обогнули они Рог Бога, и вдруг, откуда ни возмись – фрейский корабль. Будто затмение нашло – крикнул дежурный бродарь со смотровой мачты, что видит каравеллу с наведённым оружием – и началось... Дагер и Нельс, сыны Торвальда, не долго думая, выпустили огненные сполохи, следом шкипер заорал, велел приготовиться к ближнему бою...

Никто не мог объяснить, с чего вдруг чёрное с серебром знамя фрейев показалось всем красным боевым. Но было поздно в любом случае – фрейская торговая каравелла шла ко дну и приближались две другие...

Призрак войны осветил свои сонные глазницы и в предвкушении щёлкнул голодными челюстями. И молодые принцы, помня наставления отца, пошли на все требования фрейев и даже больше – сами предложили в залог пленных, чтобы потом вернуться за ними и сторицей заплатить за причинённый ущерб казне врагам, владеющим силой Тьмы. Молодое поколение, выросшее после войны и ни разу не видевшее лиц с чешуйками, покорно молчало, признавая глупую вину. И лишь Рыжий Торвальд вмешался.

Уважаемый маг огня, Рыжий Торвальд, который плыл на втором корабле с принцами, вызвался загладить вину ценой своей свободы – заменил сыновей, что, в общем, была щедрая цена. Не смогло отцовское сердце допустить, чтобы плоть от его плоти стали рабами проклятых

ящеров. Хозяин фрейских каравелл, мастер Оржан, поморщился, но разрешил, предупредив, мол, заранее предупреждает о последствиях.

Так Рыжий Торвальд сын Эллов, оказался среди пленных, которые в большинстве были, как минимум, младше его лет на двадцать. И только тощему Янне минуло три десятка, он до минуты обмена считался старшим на корабле, но теперь Торвальд был главным в этой толпе несчастливых мореплавателей.

Торвальд не знал фрейского языка так хорошо, как следовало, и это осложняло переговоры с надсмотрщиками, а парням, особенно Лаурису с его крепнущей магией воды, постоянно требовалось пить. Причём вода должна была быть свежая. Парень уже в первый день заключения отравился, еле откачали...

На счастье, вдруг заговорил Дыв, служивший помощником повара и по решению принца Ядрана оказавшийся среди пленных карамалийцев: должно быть, прозорливость отца была унаследована старшим сыном. Почувствовал принц в смазливом юноше древнюю малерийскую кровь и его ментальную магию, на первый взгляд, дурацкую – Торвальд, когда слышал, даже поморщился, недооценил. Якобы Дыв различал все тонкости ароматов и вкуса, за что и был охотно нанят коком. Но в момент атаки парень возился у себя на камбузе и никак не мог считаться виноватым.

Через несколько часов уверенный перевод Дыва на фрейский, его умение освежить воду склонило Торвальда к уважению, и он передал бразды власти безродному незнакомому мальчишке, годящемуся в сыновья. А сам погрузился в пучину скорби по любящей супруге, ожидающей в Кар-Малерии, и горестным думам о сыновьях, которых на родине ждёт обязательное суровое наказание...

С опозданием принесли порезанные овощи и фрукты, уложенные по разные стороны большой плоской деревянной миски: редисом, сладкими корнеплодами, виноградом. И эта тарелка опустела мгновенно, друиду Олофу отмерили чуть больше прочих.

Жевали, и оттого на вошедшего мужчину со змеиным узором на скулах уставились молчаливо, дожидаясь сопровождения Дыва. Тот перевёл шипящий говор очередного надсмотрщика:

– Наши будущие господа настолько милостивы, что в знак своего благоволения изволят нас угостить местным пойлом. Говорят, уже скоро наша судьба будет в наших руках. Если мы будем разумны и оценим милость ящеров.

Служанка поставила новый кувшин на стол и отошла, не решаясь разлить по бокалам жидкость. Надсмотрщик ждал. Деревянные бокалы из любопытства сдвинулись, Дыв плеснул всем понемногу, взял свой и, прежде чем отпить, понюхал содержимое, осторожно хлебнул, его ждали:

– Виноград, выдержка лет пять, не больше, выращивался на северном склоне, мало солнца. Неудачно перебродило, чуть в уксус не пошло. И нотка плесени... В целом пить можно. Я бы его оставил для обработок ран, но... – пока остальные пробовали, перевёл свою тираду на фрейский. Брови надсмотрщика сдвинулись, он коротко поклонился и что-то прошипел. – Нас ожидают в зале, гхм, наши будущие господа. Ну что, други, за то, чтобы Его высочество Ядран быстрее сюда добрался?

Деревянные стаканы глухо стукнулись, однако карамалийцы пить из осторожности незнакомый напиток не стали – пригубили, ибо надсмотрщик буравил своим чёрным взглядом. И потому, что так Дыв посоветовал.

В этот раз их вели значительно дольше – миновали паутину коридоров, очевидно, той части дворца, что была предназначена для челяди, затем вынырнули в более просторный зал,

из него – по лестнице вверх, пролёта два, семь... И считавший про себя этажи Дыв сбился со счёта. Запыхтели все, кроме охраны, которой, кажется, совершать такие манёвры было не впервой.

Всё ощутимей ласкал ожоги от плетей тёплый сквозняк, Лаурис с облегчением заметил, что ему значительно лучше вне удушливых стен. Зато удалявшийся от земной почвы Олоф еле ноги передвигал по каменным ступеням. Наконец попытка лестницей закончилась, и пленники вышли в огромную залу с высоким сводчатым потолком, поддерживаемым колоннами. Здесь и вовсе было свежо – ветер свободно гулял благодаря аркам, ведущим из зала на...

Карамалийцы невольно повернули головы на удивлённый возглас товарища и хмыкнули – через арки виднелась цепь невысоких гор, зелёные долины с реками за ними и часть залива. Не хотели ли тем самым видом фрейи пообещать полёт вниз всем пленным в случае непокорства?

Шипение у дальней стены с затемнёнными несколькими фигурами заставило забыть на время об опасности быть сброшенным на землю.

– Мы должны подойти, – перевёл Дыв приказ надсмотрщика, и пленные сделали несколько шагов вперёд.

В самом сердце зала зияла круглая дыра в полу, её прикрывала тяжёлая кованая раздвижная решётка. Пленным пришлось разделить на две группы, чтобы обойти дыру, и снова выстроиться в линию через несколько метров. Отсюда теперь мрачные силуэты разбирались отчётливее.

На двух рядом стоящих каменных тронах сидели король и королева фрейев. По обе стороны от них и так же на небольшом возвышении, но чуть ниже, двое слева и три справа – девушки и юноша. Ещё, с характерной для фрейлеров чешуистой внешностью, трое человек стояли чуть поодаль. В одном из них пленные узнали знакомого – хозяина торговой флотилии Мастера Оржана.

– Они просят назвать нас наши имена и магию рода, – перевёл Дыв. Никто из карамалийцев не шелохнулся, и переводчик обратился к стоящему справа от себя – Олофу.

– Олоф сын Афа, прадеду моему подчинялась земля и вода, – с гордостью вскинул голову карамалиец.

– Он спрашивает, – дождавшись королевского вопроса, повторил Дыв, – кто после твоего прадеда владел этой магией? И насколько ты силен?

– Передай ящерице, что я и мой брат – мы первые наследники семейного благословения. Поэтому пусть обращается со мной повежливей.

Янне кашлянул, несколько карамалийских ртов растянули улыбки, но Дыв, не моргнув и глазом, серьёзно перевёл. Асвальд Второй переглянулся с мастером Оржаном и усмехнулся.

– Он говорит, что ты сам будешь творцом своей судьбы, – Дыв повернул голову к Олофу, а затем сделал шаг вперёд, ибо стоял следующим в этой цепочке. – Я – Дыв, приёмный сын Кариата-винодела. О своих корнях знаю мало: говорят, моя бабка владела магией воды, но я её не унаследовал. Его высочество Ядран определил у меня зачатки мыслительной силы и склонность ко вкусу, так я попал на корабль... О, простите...

Дыв едва не хлопнул себя по лбу: забыл, что нужно перевести свою речь на фрейский. И начал было повторять, как король поднял руку и перебил:

– Как ты выучить наш язык? – в акценте Асвальда Второго присутствовал свист, характерный для фрейского.

– О! – Дыв поклонился. – Я с детства тянулся к наукам и провёл некоторое время в королевской цитадели. Брат хорошего знакомого сестры моего отца часто брал меня с собой в библиотеку, и...

Король поднял руку, показывая, что этого достаточно.

Представлялись остальные, Дыв по-прежнему переводил, так как карамалийский не все присутствующие королевские особи знали хорошо. Личность мага-малерийца Рыжего

Торвальда, кажется, заинтересовала больше всего ящерских отродьев, те завозились в креслах, переговариваясь между собой.

Затем возникла пауза, король с королевой что-то обсуждали. Воспользовавшись паузой, Дыв подмигнул единственной из фрейев, кого не окутывала тьма. Знакомая девчонка, на сей раз одетая нарядно и увешанная нитями с драгоценностями, сидела неподвижно. Лишь закусываемая периодически губа указывала на смущение.

Вдруг королева поднялась, спустилась по ступеням и подошла ближе к пленным. Посто-яла возле каждого, будто принимаясь, задержалась перед Торвальдом и Дывом.

– Скажи, что исключений для малерийца не будет, – пугая мраком, клубящимся в зрач-ках, прошипела она Дыву с акцентом, похожим на тот, что был у супруга. – А ты... мальчик... ты нам не нужен, переводчик для каждого из твоих товарищей найдётся. Скажи, что особенное ты умеешь делать, что позволит тебе остаться здесь и не отправиться на рудник.

Карамалийцы тревожно переглянулись, но ответ балагура даже в тяжёлую минуту разве-селил.

– Я умею доставлять женщине удовольствие, ваше величество, – смущённо пробормотал Дыв, опуская глаза и заставляя себя их поднять, чтобы обратиться к настороженному мраку, – в этом моя сила. К сожалению, в Кар-Малерии эта магия не входит в число одобренных Зако-ном. Правду говоря, я не совсем по своей воле оказался на корабле, а был сослан за... кхм... повышенное внимание ко мне двух прекрасных замужних особ.

Карамалийцы, впервые слышавшие эту часть откровения от товарища, но уже осведом-лённые о его развлекательных предпочтениях, хмыкнули.

Королева рассмеялась, повернулась и, больше не говоря ни слова, вернулась на трон. Вперёд вышел молодой фрейлер, объявляя волю правителя:

– Сейчас или никогда вы можете выбрать сытую и спокойную жизнь в ожидании выкупа или отправиться на рудник, где будете испытывать лишения и вас закуют в оковы тьмы. Мы не знаем, когда ждать ваших хозяев, поэтому, начиная с сегодняшнего вечера, вы будете отраба-тывать наказание. Тем, кто выберет дворец, завтра будут предоставлены личные покои, сытная еда трижды в день, чистое белье и постель, возможность раз в день выходить на час на про-гулку. В обмен на свою свободу вы должны будете делиться светом своей магии. Вы можете посоветоваться друг с другом сейчас. Его величество дал вам одну минуту. Выбравшие путь свободы, но не выполнившие предписание, будут отправлены на рудник.

Карамалийцам разрешили сгрудиться и быстро обсудить предложение.

– Хитрожопые ящеры выпьют нас, как стакан вина, – сразу сказал Лаурис, – и мы вер-нёмся домой с позором для наших родов. У нас и наших детей больше никогда не родится магия.

– Зато мы останемся живы, – возразил Свен, чья магия до сих пор пока не прошла опре-деление.

– Я выбираю рудник! – громко прозвучал баритон, и карамалийцы обернулись.

На шаг ближе к трону стоял Рыжий Торваль, к нему присоединился Олоф и так же гордо вздёрнул голову.

4. Кайя и луна

Дни полной луны для фрейев всегда были особенными: в это время дикие приносили свою жертву, а дети Асвальда Второго напивались силой, и крылья распахивались всё увереннее. Но дело было не только в этом: наблюдать за другими – это одно, а когда тебя начинает глотать тревога, словно перед приближающейся опасностью...

На Кайю в последние месяцы приближение полной луны начинало действовать так же, как и на остальных, уже получивших Тьму. Хотелось куда-то бежать, ночи становились беспокойней, и хотелось съесть что-нибудь особенное – что именно, Кайя не знала. Матушка-королева заметила суетливость дочери, и порадовала:

Спасибо.

В одной деревушке вышла бабка на крыльцо и закричала:

– Скоро Тьма призовет тебя.

С тех пор Кайя не просто чувствовала приближение долгожданного подарка, а накручивала себя и надоедала окружающим, будто уже получила крылья, малюсенькие и невидимые никому. Наконец на её капризы обратил внимание Инграм, поинтересовался, что происходит, а узнав, пообещал взять с собой на Побережье, куда каждое полнолуние улетала молодёжь, обретшая крылья. И Кайя была счастлива три ночи каждый месяц, когда перевоплощённый Играм уносил её на себе туда, где можно было полюбоваться лунной дорожкой, убегающей за чёрный горизонт океана.

Родители, однако, на полнолуние почти всегда оставались дома: с возрастом их сила становилась менее подверженной проклятию древнего бога. Длилось оно три-четыре ночи, и наблюдательная Кайя заметила, что в это время в тёмное время суток дворец будто замирал от некоего священного страха. Показалось, что даже слуги прятались.

Из любопытства восемь месяцев назад Кайя решила досконально изучить этот вопрос. Важно было найти нескольких фрейлеров, понаблюдать за их поведением. Действительно, Горан, часто по ночам работающий с документацией, два полнолуния подряд исчезал из дворца либо прятался в недоступном для Кайи месте. И остальные – учитель Вилфред, парочка офицеров, ответственных за охрану дворца, приближённые Его величества...

Сделав свои правильные выводы, Кайя возмутилась во время семейной вечерней трапезы:

– Если все исчезают, кто будет нас охранять?

Матушка улыбнулась:

– Не переживай, дитя. Тьма хоть и слаба в эти ночи, но её могущества хватит, чтобы защитить всех вас. Ваш отец не допустит приближения опасности.

– А это возможно? – с иронией спросил Играм, веривший в парализующий страх всего живого перед фрейями. Родители и сёстры засмеялись.

Подумав, Кайя сделала вывод: небесный Иль просто давал передышку простолюдинам, чтобы те смогли потом ревностней служить своим господам.

То было несколько месяцев назад, а это приближающееся полнолуние Кайя ждала в особом настроении – знала бы матушка, что её дочь собирается сделать!

После прибытия карамалийцев Солвег внезапно развернула оба крыла как следует, да и Улва стала заметно сильнее. Кайя спросила матушку, потребуется ли седьмая Ночь Взросления для Солвег, надеясь на отрицательный ответ. Ведь если бы необходимости в этом не было бы, значит, настала бы очередь Кайи. Но матушка огорчила: Солвег всё-таки пройдёт свой последний обряд, чтобы закрепить тьму в крыльях. Видя, что младшая расстроилась, королева успокоила: в этом году будет три сильного Иля, в приближающееся полнолуние проведут обряд для двух старших дочерей, а в следующий раз – для Кайи, даже если Тьма не призовет её к

этому времени. Оставалось подождать каких-то четыре месяца. Ждать их было невыносимо, и Кайя решила пойти на маленькую хитрость.

Пока старшие будут прятаться по своим комнатам или улетят к Побережью остужать крылья, Кайя проберётся в темницу, чтобы лично убедиться в том, что происходит.

За прошлую шалость матушка, как водится, отругала: во-первых, пленные могли представлять опасность для принцессы, во-вторых, она появилась перед ними в неподобающем фрейе виде. Напоследок Кайе было строго-настрого наказано не приближаться к рабам без сопровождения родственников. А потом её на смотр рабов так приодели в официальное тяжёлое платье и обвешали нитями символического белого и чёрного жемчуга, что девушка больше думала о том, как чешется спина под платьем или потеет кожа под украшением, чем следила за происходящим.

Рабов одели в обычную посконную одежду, вернее, только штаны, и теперь можно было безбоязненно любоваться светлыми ладно сложенными телами, которые выглядели не хуже, чем Инграм после обрётённой тьмы. Кайя впервые присутствовала на официальном смотре, который не провели, как обычно, во дворе темницы, а заставили карамалийцев подняться в тронный зал, к Сердцу Тьмы. Инграм позже объяснил, что причина крылась не столько в солидных статусах пленных, сколько в намерении кар-малерийского принца Ядрана выплатить контрибуцию и забрать на родину соотечественников. Впрочем, Инграм считал, что стоило бы всё-таки не нарушать традиций обращения с рабами.

В процессе представлений выяснилось, что рыжий, на самом деле, – настоящий малериец, и Кайя разочарованно подпрыгнула: где же знаменитая белая коса?!

– Потому что он маг огня, дурочка, это же очевидно! – съязвила Марна, сидевшая рядом.

Родители тем временем совещались. Желание сира Торвальда защитить неразумных сыновей ценой своей чести было оценено Его величеством, но и он, будучи родителем, не смог преступить долга крови. Да, рыжий Торвальд сын Эллов, был первым светлым магом на Фрейлайнде за последние пять лет. Асвальд, некогда одержавший победу над кар-малерийцами и напившийся их магии на несколько поколений вперёд, отбил охоту у зарвавшихся магов приближаться к Тёмному Континенту. Потому что Тьма всегда сильнее света!

Сёстры сцепились из-за малерийца. Не успела Солвег рта раскрыть, как Марна опередила – ей, старшей, полагался этот маг в первую очередь. Королевские приличия не позволяли дочерям Асвальда Второго устроить потасовку в присутствии рабов, поэтому за спинами сидящих тьма обеих щипала и жгла, – пока матушка не заметила противоборство. Шикнула на дочерей, мол, она сама решит, кому какой раб больше пользы принесёт, а через неделю рабов поменяют – спорить не о чем. Нерешительная Улва, ненавидевшая Марну всей сутью, расцвела от обещания матушки.

– А мне тоже достанется раб? – нетерпеливо поёрзала Кайя, плохо себе представляя, что делать с рабом именно сейчас, когда дара Тьмы ещё не было. Разве что вынудить кармалийца рассказать много историй о своей стране и обычаях.

Инграм на её вопрос хмыкнул, матушка взглянула на него и ласково кивнула: сын не просил, но про него не забыли бы.

Затем матушка лично осмотрела рабов, и их отправили назад. На просьбу малерийца отправить его на рудник, Асвальд Второй, сдерживая торжествующую улыбку, сказал, что огневикам под землей делать нечего, ибо туда не допускают таких из соображений безопасности. Но если сын Эллов выполнит все прочие условия, то ему, так и быть, предоставят работу в плавильне.

Испугавшиеся сёстры заметно выдохнули: отец нашёл хитрый выход! Однако возмущённый огневик сделал опасный шаг вперёд, то ли намереваясь напасть на короля, то ли просить о милости – Тьма из Сердца выплеснулась сквозь решётку и жадно лизнула рыжего. Торвальд

упал на колени, испытывая невыносимую боль, и страх в глазах кармалийцев был слишком заметен – они не осмелились приблизиться к клубящемуся вокруг товарища облаку.

Матушка распределила рабов на первую неделю так: Улве достался друид по имени Олоф, Инграм вдруг выпросил себе слабенького мага воды, странного карамалийца Дыва подарили Солвег, а причина спора огневик Товальд теперь принадлежал Марне. Солвег взвыла и, не стесняясь присутствия фрейлеров, сцепилась со старшей сестрой, то угрожая, то обещая отдать всё, что та захочет. Марна хохотала.

Чтобы не сойти с ума от их грызни, Кайя ретировалась, почти одновременно со смущёнными фрейлерами и отцом, вспомнившим о срочных делах на востоке.

– А мне даже самого слабого карамалийца не дали! – жаловалась Кайя своей верной спутнице Аше, заперевшись в комнате, когда служанки помогли снять платье, украшения с принцессы и удалились.

Разумеется, как она могла ночью усидеть на месте? Надев нарочно тёмное платье, Кайя отправилась подсматривать и подслушивать за сёстрами. Судьба двоих пленных была особо интересна – как выпьют силу у малерийца и как накажут наглого сероглазого раба с дурацким даром угадывать желания.

У двери в темницу стоял охранник с плетью. На этот раз он преградил путь и отказался дать хотя бы послушать: Её величество настоятельно об этом просила. И чувствуя двойное унижение, Кайя поплелась назад, бормоча традиционные обещания отомстить всем, кто над ней смеялся, когда она получит силу.

И вдруг среди ночи раздался такой крик, что Кайя проснулась и села на кровати, не в силах сориентироваться, откуда кричат и грозит ли ей опасность. Аша, матушкин подарок, моментально увеличилась и накрыла собой, словно спасительным покрывалом, напуганную хозяйку. Крик повторился, на этот раз намного протяжнее и гортаннее.

– Уйди, Аша! – Кайя кубарем слетела с кровати и бросилась к сводчатому окну, ведущему, как и в соседних спальнях сестёр, на балкон-площадку для расправления крыльев и полётного прыжка.

Определённо, надсадный вой доносился справа, потому что покои родителей располагались намного выше. Кричала Солвег, но не так, как обычно, ругаясь с Марной или Улвой. Что-то в её воплях было надсадно-мученическое...

Рядом опустились неожиданно Марна и Улва – похоже, вопли Солвег подняли всех фрейев во дворце: то был глас для своих, воспринимаемый простолюдинами подобно орлиному клёкоту, иначе у них бы сердце разорвалось от страха.

– Гадина, это она мне мстит! – выругалась Марна, и по её озлобленному виду Кайя поняла: с рыжим малерийцем дело пошло не так, как она планировала. Эта мысль радостно обняла сердце, и Кайя засмеялась. Марна поняла смех по-своему. – А ты, как всегда, дурочка!

И только Улва осмелилась выдать всеобщее любопытство:

– Что он там с ней делает, интересно?

– Настанет твоя очередь – узнаешь! – огрызнулась Марна.

К ним спустилась матушка, прислушалась к происходящему за соседней террасой:

– Идите спать, девочки, завтра всё узнаем.

– Спать?! – взвилась Марна: почти одновременно с ней протяжно закричала Солвег. – Под ЭТО?!

Матушка пообещала уладить конфликт, тем более что ей самой слушать эту “музыку” было странно. Слетала к дочери, и там мгновенно затихло.

– А он, и правда, хорош, – усмехаясь, сказала вернувшаяся королева, чем только усилила нетерпеливое любопытство. – Идите спать, девочки!

Насколько Солвег была искренней в своей демонстрации довольства от выбранного раба, Кайя не знала. Впрочем, не знал никто, наверняка, кроме матушки, которая всегда была сведуща во всём, что касалось поведения дочерей. На следующее утро Солвег выглядела непривычно расслабленной, вяло отшучивалась от намёков Играма, а потом сослалась на сладкую усталость и скрылась в своих покоях, кажется, даже летала в одиночестве, без Улвы.

Ночью чуть было не повторился вчерашний кошмар: Кайя проснулась от негромкого вопля и решила, что сейчас опять слетятся сёстры и мать, однако наступила тишина, видимо, Солвег приглушила Зов крови. И всё-таки одиночные вскрики были на третью и на четвёртую ночь – забываясь, натура сестры то и дело переходила на родовой язык. Наконец, Кайя разозлилась: просыпаться очередную ночь из-за несдержанности Солвег – это уже было слишком. Днём перебралась в дальнюю башню, давно пустовавшую, некогда там жила бабушка, и со дня её последнего полёта никто ни разу не смахнул пыль с её ложа.

Сюда почти не доносились звуки извне, и Кайя удовлетворённо решила здесь задержаться. И немаловажно – у бабушки стояло отвратительное зеркало, в котором Кайя почти не отражалась. Значит, зеркало не напоминало о её уродстве, хотя бы это радовало.

На душе было пакостно, а в чём состояла причина, она пока не могла определить, и от одиночества, как ни странно, меньше волновались те крохи тьмы, что родилась вместе с маленькой фрейей.

– Тебе здесь уютно, моя малышка? – матушка почувствовала тоску дочери и залетела проведать её, прихватив разнос с ужином, пропущенным Кайей. Слугам добираться сюда было гораздо сложнее – путь до бабушкиной комнаты длился в два раза дольше, чем даже до залы с Сердцем.

Кайя молча уткнулась в матушкину грудь, вдыхая успокаивающий родной запах и тонкий аромат мятных трав, с которым матушка совершала ежедневные омовения. Королева терпеливо ждала, её подарок младшей дочери – материнская защита, Аша – ластилась к создательнице, и матушка играючи добавила облачку силы.

Поборов желание расплакаться, дочь наконец поделилась наболевшим. И Солвег, и Улва и Инграм – все выглядели довольными, раздражение Марны не шло в счёт, потому что, очевидно, случилось незапланированное между ней и рабом, и всё-таки старшая сестра была свободнее Кайи, оставшейся без развлечения. Но самое обидное, её настолько все считали маленькой, что даже Инграм загадочно молчал, не делился впечатлением от получаемой силы. В течение ужинов намёки летали от одного к другому, родители понимали их, а Кайя чувствовала себя бестолковой и обделённой.

– Это в самом деле тебя так задевает? – улыбнулась матушка, отстраняя от себя дочь. Её кивок и опущенные глаза насмешил королеву. – Моя малышка! Твои сёстры просто познают другую магию на вкус – и только-то. Конечно, у Марны пока не получается договориться с малерийцем, но это всего лишь вопрос времени. Он должен добровольно поделиться своей силой, чтобы сохранить её часть до прибытия их принца. Но, как ты догадалась по Марне, несчастный глупец упорствует. Возможно, он достанется Инграму или Солвег...

– Солвег сказала, что не хочет делиться своим рабом ни с кем, – буркнула Кайя, продолжая обнимать матушку. – У него настолько сильная магия?

Королева Отилия вздохнула задумчиво, помолчала. Все её дети, кроме Кайи, давно выросли из объятий, одна младшая продолжала ластиться и жаждала внимания, возможно, оттого не хотелось, чтобы она повзрослела окончательно, и, уговорив супруга, королева отложила призыв Тьмы. Асвальд не возражал: взрослые дочери сами по себе являлись проблемой (за кого их выдавать замуж?), так хотя бы пусть младшая пока не представляет забот.

Сидеть вот так, обнявшись и грея друг друга, было уютно и сладко. Никто не торопился разрывать объятия.

– Твоя сестра слишком быстро повзрослела. Ей нужна была не совсем магия, скорее – научиться признавать своё тело и его возможности. Карамалиец дал ей это, и Солвег вчера развернула оба крыла. Она приняла свою суть полностью.

У, Солвег развернула оба крыла! Кайе об этом никто не сказал. Признаться, намёки начали раздражать, и, чтобы отвлечь себя от очередной порции обиды, во время семейных ужинов начала думать о всяком, только бы не прислушиваться к колкостям противной Марны.

– А Улва?

Королева погладила волосы дочери:

– У Улвы и Инграма немного сложнее. Магия карамалийцев хрупкая, им необходим особый уход и длительное время на восстановление. Но в общем да, тьма Инграма и Улвы усилилась.

Опять очередное напоминание о том, как хорошо другим и как плохо ей, Кайе! Девушка рассердилась:

– Почему мне нельзя хотя бы самого слабого карамалийца? Если я не могу пить его магию, то хотя бы мне не будет так скучно!

– Да как же ты будешь с ними разговаривать? – улыбнулась Отилия, намекая на незнание карамалийского.

– А я его выучу! – запальчиво пообещала Кайа.

5. Рыжий Торвальд

А потом её осенило. Это же был идеальный повод завести себе раба-карамалийца! Пусть бы таскался за нею, как Аша, еду приносил... И заодно рассказывал истории, которые Кайа обожала слушать от учителя Вилфреда... Учитель!

Кайа настояла на усиленных занятиях карамалийским наречием. Она по-прежнему приходила ночевать в названную своей башенку, а днём уединялась на террасе, чтобы зубрить слишком мягкий для фрейев незнакомый язык.

Так прошла неделя и вторая от появления загадочных кар-малерийцев, но главное – однажды сюда обязательно пожалуют их принцы, и вот тогда-то Кайа сможет удивить не только гостей своим беглым карамалийским, но и отца, и сестёр. Инграм будет приятно удивлён, и тогда-то даже Марна не посмеет назвать младшую сестру глупой!

Худо-бедно, изучение карамалийского продвигалось, родные уже были в курсе, и отец, видя рвение дочери, за ужином повторявшей название столовых приборов и блюд на чужом языке, похвалил способности Кайи. Она с напускным хладнокровием спросила разрешения немного попрактиковаться с кем-нибудь из рабов, ибо произношение учителя Вилфреда было далеко от идеального, – и Его величество переглянулся с матушкой.

– Мы подумаем, Кайа, – пообещал он и, конечно же, забыл об этом пустяке.

Долгожданное полнолуние, наконец, пришло. Инграм проговорился, утомлённый настырным приставанием младшей сестрицы: Рыжий Торвальд упорствовал, не желал делиться магией света с Марной; на него нацепили оковы Тьмы Охраняющей, та не давала магу сбрасывать излишки своего ресурса, что доставляло ему особые неудобства. Вошедшая в азарт Марна еженощно истязала раба, получая удовольствие от его мук, но не получая самого желанного – его магии.

Малериец не поддался Марне! Ох, от этой новости радость защекотала живот изнутри, и Кайа долго потом улыбалась полдня, кусая губы, чтобы не выдать предвкушение от намечающегося приключения. В отличие от раба Дыва, готового прислуживать Солвег, ворчливой с рождения, огненный малериец не сдался! Как говорил отец, свою силу надо лелеять, а вражескую – уважать, ибо это позволит тебе лучше подготовиться к встрече.

Настала долгожданная полночь, Инграм улетел, несколько озадаченный желанием Кайи выспаться. На террасе у родителей приглушили факелы, и Кайа, привыкнув гулять в темноте по дворцовым закуткам, направила свои стопы сначала на кухню, убеждая Ашу помочь усыпить охранника в темнице, а потом – в сам подвал.

Охранник, которому внезапно принесли холодный раф и разрешили расслабиться (“Хозяева все в отлучке, во дворце спокойно, наслаждайся, друг!” – голосом начальника охраны внушила Аша свирепому фрейлеру), проворчал что-то своё, по-солдатски умильное от подарка, осушил бутылку и ещё некоторое время устраивался поудобнее, а потом, наконец, захрапел.

Кайа подобралась к нему, стащила связку ключей и через минуту была за решёткой, преграждавшей путь всем любопытным, – к пленным. Пришлось повозиться с ключами, прежде чем нашёлся нужный, и принцесса, не заботясь о безопасности, скользнула внутрь каменного пристанища. Инграм говорил, что рыжего малерийца вдобавок приковали цепью к стене после его непокорства, поэтому нисколько не было страшно.

В узилище царила густая, вязкая ночь. Глаза Кайи, конечно, в темноте видели всё, но здесь, на самом деле, было слишком... слишком... Она чихнула: застоявшийся воздух показался удушливым, ощутимо пахло мужским немытым телом. Поэтому она вернулась с факелом

из коридора, оставила дверь открытой для свежего воздушного потока, воткнула факел в держатель и приблизилась к стене, где неподвижно висело большое тело.

Малериец странно дышал, тяжело, словно каждый вздох давался ему мучительно.

– Эй! Раб! – позвала его Кайа, не осмеливаясь подойти ближе.

Малериец не ответил и страшная музыка его дыхания не прервалась. Кайа осторожно вытянула руку, и Аша взвилась над головой, готовая в случае атаки защитить неразумную хозяйку, но палец ткнулся в спину, и реакции не последовало. Кайа, осмелев, ступила ближе, снова потыкала пальцем в лежащего – и вдруг ощутила, насколько он горячий.

Раб пребывал в некоем забытии, травился своей магией, заточённой в теле и не имеющей выхода. Это была пытка Марны, так рассказывал Инграм. Да, малериец был рабом, пусть даже слишком красивым для фрейской принцессы, но отчего стало жаль его? Может быть, потому что Кайа втайне ненавидела Марну и тысячу раз дала себе слово отплатить достойно за словесные унижения?

Кайа погладила прохладной рукой горячую сухую и несколько шершавую спину. Карамалиец вдруг что-то пробормотал. Видимая безопасность расслабила гостью: ведь она давно мечтала потрогать настоящего малерийца, его косу...

А той не было! Короткие рыжие волосы сзади неровно подчёркивали белизну шеи. Значит, Марна вдобавок ещё и косу пленному отрезала!

– Пить! – повторил малериец, уткнувшись лицом в стену.

И Кайа растерялась.

Некоторое время в ней боролись два противоречивых желания: эгоистичное – потрогать всего раба, рассмотреть, пока он не в состоянии причинить ей вред, и противоположное – помочь ему, из одного чувства восхищения этой светлой идеальной громадой мышц безо всякой магии, просто потому что его боги благословили.

До сих пор понимание сути чуда находилось на границе вещей само собой разумеющихся: магия Тьмы, рождённая вместе со Всемирьем, давалась всем фрейям в совершеннолетнем возрасте и без исключений, никогда не отнималась, как то происходило с хрупкой магией света, ради сохранности которой малерийцы жертвовали многим.

Возможно, рыжий маг, сопротивляясь, умножал свою силу в борьбе за неё, и это был его секрет.

«Нет, не может быть. Он больше похож на умирающего, чем на победителя. Инграм и отец – победители, а этот...» – Кайе страшно было признаться себе в возможной правоте малерийца.

– Прочь, мерзкая ящерица! – пробормотал в бреду раб, и принцесса вздрогнула, по привычке приняв фразу на свой счёт.

Теперь она знала, благодаря учителю Вилфреду, что в карамалийском и малерийском слова “ящерица” и “урод” звучат похоже, в первом слове первая гласная чуть протяжнее, чем во втором. Значит, пленники называли фрейев вовсе не уродами, а ящерицами. Что ж, решила Кайа, когда узнала об этом, ящерицы милые, особенно огнеплюйки, живущие в северных пещерах под горой Сердца Тьмы. И обида отпустила. Среди рабов тоже не все белыми птицами были, например, Дыв-угодник...

– Пи-ить! – напомнил о себе Торвальд, метавшийся в видениях от призрака Марны до пламени, иссушающего тело и душу.

Кайа медленно повернулась, продолжая сомневаться в своём добром решении. Недалеко от входа в темницу стояла бочка, из неё пила охрана и относил пленным в указанные часы. Марна – вот кому захотелось насолить! Хоть бы малериец не достался ей! И остальным сестрам тоже. Инграму можно, потому что брат – лучше всех, добрее к Кайе.

Эх, они сейчас с высоты ныряют в волны океана, чтобы остудить свои нагревающиеся от небесного света крылья, потом плавают, разгоняя стайки светящихся медуз, и перед отлётом лениво лежат на песке, болтают о всякой приятной чепухе...

Принцесса дошла до бочки, зачерпнула деревянной узкой кружкой охранника чёрную воду и понесла назад. Раб не поменял своего положения, а значит, напоить его будет сложным делом. Кайе пришлось, не обращая внимания на раскинувшуюся сверху тревожно Ашу, чуть ли не навалиться на раба, чтобы просунуть кружку к носу. Каким же горячим он всё-таки был!

Малериец прикосновения не почувствовал.

– Пить! – нерешительно сказала Кайя, наклоня кружку и выплёскивая из неё немного жидкости на нос и губы раба. Он вздрогнул, и Кайя отшатнулась. Попятилась к стене, укрываемая щитом верной Аши.

Раб проснулся, тяжело повернул голову и уставился в темноту, где ему показалось мутное. Рука медленно провела по лицу, размазывая влагу:

– Кто здесь? – кажется, он плохо видел в темноте: блики от факела не доставали до угла, куда вжалась любопытная гостья. Не получив ответа, Торвальд снова поник у стены.

А он похудел, отметила про себя Кайя и в очередной раз помянула сестру недобрым словом – уморит раба, лишь бы тот не достался никому! Медленно девушка шагнула из угла, смахивая с себя Ашу, протянула кружку:

– Пить?

Малериец снова удивлённо всмотрелся в неожиданную гостью, протянул руку и опустил, как если бы уже был научен обманом пытающих его фрейев.

– Пить! Ты пить? – Кайя сделала два шага вперёд, поставила кружку на пол и отошла.

Как осторожный зверь, почуявший открытую дверь клетки, малериец потянулся и замер, когда гостья резко отпрянула. Но затем наклонился, натягивая цепь, чтобы одной рукой достать кружку – и махом осушил её. Всё свершилось! Мсть Кайи удалась. Наверное. Что делать теперь, она не знала.

Малериец некоторое время прислушивался к себе, прикрыл глаза, и вдруг слабая улыбка тронула угол его губ. Он приложил руку к сердцу, коротко кивнул и осторожно опустил кружку на пол, подтолкнул её к Кайе. Деревянная посуда крутанулась несколько раз, удаляясь от пленника. И Кайя схватила сосуд, метнулась к двери, чувствуя себя застигнутой врасплох преступницей, с трудом закрыла на ключ, с грохотом свалила связку на колени храпящему охраннику и вылетела из подземелья.

– ... Сложность строительства акведука состоит в расчётах угла уклона. Преодоление возвышенностей и низменностей, встречающихся на пути к цели, существенно осложняет расчёты. Так, при первоначальном подведении воды во время строительства нижнего яруса дворца были допущены некоторые неточности. Некоторые до сих пор считают, что это было сделано архитекторами пленных намерено, чтобы нанести ущерб фрейям. Однако, существует и иная точка зрения, на мой взгляд, имеющая право на существование. Сердце Первозданной Тьмы не допустило вмешательства в близлежащие слои почвы. Поэтому водопроводная система отсутствует на ярусе, ныне отведённом под темницы, но присутствует на этаже для прислуги и не поднимается на верхние уровни без помощи механического лопастного насоса...

Учитель Вилфред задумался, разглядывая чертежи, разложенные перед сегодня заметно рассеянной ученицей, добавил сведений, зная увлечённость Кайи этой страной:

– Для сравнения, Кар-Малерия, имеет более удачный ландшафт. Во-первых, столица находится на возвышенности, под горной цепью, что удачно не только со стратегической точки зрения. Ледниковая вода устремлена через город, словно живые сосуды каменного тела... Мда, я всегда поражаюсь идеальной чистоте Кар-Эйры даже в сезон ветров, когда с Желтых гор пыль

оседает на крышах, домах, одежде – на всём... Именно правильные расчёты в оросительной и водопользовательской системах – заслуга чистоты этого белого города. И жители, конечно же, приобрели соответствующие привычки.

Час назад Кайя всего лишь спросила, как долго, например, карамалийцы могут обходиться без воды, а учитель достал запылившиеся чертежи дворцового акведука, куском угля на других белых листах понарисовал всяких схем – уклона-наклона, сужения-расширения, что совершенно не было интересно слушательнице. Кайя мало того что плохо спала остаток ночи, мучаясь от власти яркого Иля, ещё из головы никак не шёл похудевший рыжий карамалиец и его спекшиеся от жажды губы. Наверное, за две недели пытки и одна кружка ему показалась щедрым даром, но всё-таки... Последняя фраза учителя разбудила Кайю:

– Какие привычки? – встрепенулась она.

Блеск любопытных глаз подействовал на учителя должным образом, и Вилфред не без удовольствия продолжил свою лекцию:

– Жители Кар-Малерии помешаны на воде, я бы сказал. Даже самый бедный простолюдин ежедневно совершает дважды частичное и один раз перед сном полное омовение...

– Зачем? – ученица удивлённо распахнула чёрные глаза.

Учитель насмешливо причмокнул:

– А маги, особенно те, что владеют даром воды, могут совершать полное омовение и дважды, и трижды в день...

– Фу-у-у, и им не надоедает?

– Хм, при некоторой температуре воды это занятие, и впрямь, может затянуть. У них даже есть специальные купальни с сухим и горячим воздухом, где и все жители могут пребывать по часу, а то и дольше. В свои купальни они также добавляют ароматические настойки, и может показаться, что ты находишься где-нибудь в цветущем поле, а не внутри здания на вершине горы. Вот такие они, суровые кар-малерийцы! – в глазах Вилфреда плясали весёлые огоньки.

Кайя рассмеялась заливисто:

– Умора, я думаю, почему у многих рабов такие большие носы, а это потому что они, как наши утки, из воды не вылазят!

Учитель подхватил шутку, а на хохот внезапно заглянул Инграм, пролетающий мимо. Кайя ему коротко пересказала про забавные привычки врагов, и брат кивнул саркастично:

– Что есть у них, то есть. Станные они, в самом деле. Мой раб пьёт воду, словно лошадь, бадьями. Ещё себе купальню потребовал, чтобы каждый день мыться.

Кайя с учителем снова рассмеялись:

– А ты?

– Сказал, что тому, кто не работает, незачем мыть себя так тщательно. Моется из ведра.

– А остальные, они тоже пьют много?

– Не уточнял, мне всё равно, – ухмыльнулся Инграм и сменил тему: – Сегодня тебя забрать или опять притвориться, что хочешь спать? Хватит уже дуться, Кайя.

Учитель занялся уборкой чертежей на нужное место и “не слушал” диалога брата и смутившейся сестры.

– Я не дуюсь, – Кайя скривила губы. – Но всё равно сегодня не полечу с тобой. Не хочу слышать, как Марна и Солвег грызутся между собой, а потом своё дурное настроение на мне вымещают.

Инграм хмыкнул:

– Об этом можешь не беспокоиться. Они почти помирились. Солвег одолжила своего раба на одну ночь Марне, чтобы та, наконец, отстала.

Кайя сначала фыркнула, а потом опять посмеялась:

– Надеюсь, Марна сотрёт с его лица противную усмешку.

Напоследок Кайа пообещала брату подумать, хотя уже чувствовала – ответ будет отрицательным. В сердце поселилось нечто, требовавшее тщательного изучения. С серьёзно-спокойным видом попросила учителя – ей хотелось посмотреть, как почти трёхнедельное (с учётом пребывания на корабле в клетке) лишение карамалийцев привычного образа жизни сказалось на их внешнем виде. Мужчина почесал чешуйки на безволосом затылке:

– Должно быть, это и в самом деле может оказаться любопытным. Испрошу разрешения у Его величества.

Учитель – на то и учитель: нашёл мудрые слова убеждения, и после небольшого отдыха от занятий, они отправились на нижний ярус. Компанию им составил, по просьбе Его величества, мастер Оржан.

Безмятежной экскурсии, как надеялась Кайа, не получилось. Она дала себе слово рассмотреть всех и всё хладнокровно, как подобает истинным фрейям, но уже на пороге темницы узнала высокий хрустящий голос Марны. Откуда он шёл – сомнений не возникло. Сестра навестила своего высокомерного раба, не желающего добровольно делиться магией.

– Прошу, заглянем сюда. Нет, не в эту, – мастер Оржан и ухом не повёл в сторону громкого монолога старшей принцессы, которому вторило эхо в подземелье из-за приоткрытой двери в темницу рыжего малярщика. – Здесь...м-м-м... Твоё имя, карамалиец?

В душной, без окон, каменной клетке, с соломенного настила поднялся тощий высокий раб. Он прикрыл глаза рукой, когда мастер Оржан приблизился с факелом, медленно и хрипло ответил на своём наречии, Кайа поняла почти все слова:

– Янне сын Нарри, обладатель некоторого дара над металлом... Наверное... Уже не знаю...

– Толкователя не взяли, можно того болтливого привести, – запоздало подсадовал мастер Оржан, но учитель его успокоил: переводчик не понадобится, Вилфред сам справится.

– Её высочество проводит изыскания. Ответишь на все её вопросы, – учитель подошёл к рабу, сделав ограждающий жест ученице благоразумно не приближаться, и заговорил на ломаном карамалийском. – Если бы тебе, Янне сын Нарри, предложили сытную еду, прогулку вне темницы и купальню, что бы ты выбрал?

Карамалиец молчал, очевидно, решив, что его испытывают, и в эту паузу некстати донеслось бормотание рыжего малярщика, которому угрожала Марна. Янне сын Нарри прислушался, сплюнул воздух и с вызовом ответил учителю:

– Я бы выбрал, чтобы все фрейи сдохли! До единого!

Вилфред подавился словами и вознамерился перевести преступную фразу для мастера Оржана, который бы принял необходимые меры, но Кайа внезапно схватила учителя за руку и затахтела, что хочет срочно посмотреть на мага воды, о котором говорил принц Инграм.

– Вы понимаете, моя доннина, что этот раб только что подписал себе приговор? – наклонившись к голове воспитанницы, спросил учитель по дороге в другую темницу.

– Отец говорит, что выкуп от кар-малийского принца важнее, чем слова обиженного раба, – перефразировав одну из реплик короля, оправдалась Кайа. И учителю пришлось согласиться с нею.

Обошли все темницы. Теория Кайи подтвердилась: везде рабы смотрелись жалко, кроме тех, кто пошёл на соглашение с фрейями и, соответственно, перед визитом к ним принимал обязательную купальню. Маг воды, Лаурис сын Оушена, конечно, выглядел немного хуже, чем в день смотра, но в любом случае лучше своего соседа – карамалийца с даром земли и растений.

Этого внешне нежного Олофа Её величество отдала средней дочери – Улве, но та за неделю истошила (по словам Инграма) карамалийца, выпив больше его света, чем полагалось, так что друиду теперь требовалось время на восстановление. Поменяться с сёстрами не получилось: Солвег вцепилась в раба-угодника, отказываясь отдавать его, у Марны не выходило

договориться с малерийцем, а четвёртый сильный карамалиец, тот самый Янне сын Нарри, тоже заупрямился.

Оставшиеся двое рабов показались Улве слишком пресными, поэтому теперь она ждала либо щедрого жеста Солвег (в самом деле изменившейся), либо дня, когда рыжий сломается или у Марны кончится терпение, и тогда Улва уговорит малерийца, что лучше ей подчиниться, чем Марне-истеричке.

– А где раб Солвег? – не увидя сероглазого насмешливого карамалийца среди обречённых, возмутилась Кайа. Именно его хотелось увидеть самым грязным и униженным.

– Её высочество велело разместить карамалийца в покоях рядом со своими. Он заслужил больше еды и прохладного воздуха.

Вот так! Значит, одному рабу почти удалось вырваться из плена. Именно ЭТОМУ! Кайа недовольно нахмурилась. Лучше бы кого другого поощрили. На рыжего малерийца, наверняка, хорошее отношение подействовало бы...

Когда “исследователи” шли назад и проходили мимо его темницы, оттуда донеслись звуки, которые ни с чем нельзя было перепутать, – пение хлыста. Кайа не удержалась, заглянула в приоткрытую дверь. Малериец стоял у стены, растянутый за руки и ноги, и сестрица наносила удары – куда придётся, по спине, ногам, спутавшимся волосам...

Запах крови, одинаково пьянивший фрейев и фрейлеров, почуяли и мастер Оржан с учителем. Мужчины замерли, раздувая ноздри. Но в Кайе ещё слишком мало было тьмы, поэтому она почти не почувствовала на губах солоноватого привкуса. Один вид исполосованного заморского чуда, которым она, Кайа, так восхищалась, взбесил донельзя.

– Гадина! – она чуть было не кинулась в темницу, чтобы вырвать хлыст и покусать сестру, но опомнившийся учитель схватил подопечную за плечи и вытолкнул её, сопротивляющуюся, за охранную решётку.

– Зачем она его убивает?! Она его убьёт, только бы ни с кем не делиться! – долго не могла успокоиться Кайа. – Лучше бы его мне отдали! Хочу, чтобы ... он мои учебники носил! Да! Учебники!

– Вам, моя доннина, малериец ни к чему, – мягко возражал учитель Вилфред. – И убивать раба Её высочество Марна, конечно же, не станет. Вы сами сказали, что...

– Уйдите прочь! – завопила Кайа, окончательно разозлённая сопротивлением, и помчалась жаловаться отцу.

Разговор с Его величеством закончился абсолютным поражением: отец велел младшей неразумной дочери не лезть в дела взрослых и напомнил, что сочувствие к рабам – не добродетель Тьмы Карающей. А рабы воистину несли заслуженное наказание.

Злые слёзы обидевшейся Кайи не подействовали на короля: он, воспитавший уже троих девчонок, которые, все как один, в критический момент прибегали к этому аргументу, – только рассердился и пригрозил:

– Кайа, помнится мне, ты просила себе раба для тренировки карамалийским наречием, а не для того чтобы он тебе учебники носил или развлекал рассказами. Для этого у тебя есть слуги и Вилфред-дан. Определись, чего тебе хочется больше! Но знай, пока Тьма не отметила тебя своей печатью, некоторых вещей ты не можешь требовать...

– Провалитесь вы все! Я вам всем!.. – рассвирепела Кайа, топая ногой, и выбежала из залы, по пути намеренно сбивая вазу с цветами, стоявшую на столике.

– Её высочество Кайа имеет все шансы превзойти вашу старшую дочь. Так не лучше ли сразу дать ей желаемое, чтобы это дитя успокоилось? – заметил Горан, окуная кончик пера в чернильницу.

– Не суй свой нос, куда не следует, – посоветовал ему Асвальд Второй. – Продолжим...

Кайа тем временем неслась по лестнице, обиженно проклиная жадность и эгоизм сестёр и родителей. Но пока добралась до своей башни, остыла. Призвала к себе Ашу, всё это время смиренно сжавшуюся в комок и не напоминавшую о себе, и предупредила:

– Сегодня я снова пойду туда. Назло всем! – облачко протестующе заметалось. – Только попробуй кому рассказать! Попрошу матушку тебя развеять!

Клубок охранной тьмы испуганно дёрнулся и завис возле протянутой руки, изображая покорность.

6. Преступники

Сегодня матушка изъявила желание слетать с дочерьми к океану, а завтра собрался отец. Но и он, оставшись в одиночестве (если не считать бескрылой младшей дочери), не кружил вокруг дворца, охраняя его, а поднялся с Гораном в залу с Сердцем Тьмы. Над “дурочкой”, демонстративно хлопнувшей дверью, посмеялись, как обычно. За ужином Кайа напомнила о своей просьбе, и король повторил слова учителя Вилфреда, мол, для неё ещё не настало время иметь личного раба: “Даже если просто носить учебники”.

И принцесса хоть и была возбуждена гневом, не забывала об осторожности, пробираясь по коридорам дворца от своей башни к нижнему ярусу. Раза три Аша внезапно накидывала тень, заставляя бормочущую девчонку умолкать, – матушкиной защите казалось, будто кто-то следит за ними. Затем подозрение отпускало, и Кайа шла дальше, продолжая шёпотом свой монолог, который был своего рода репетицией перед грядущей словесной битвой с родителями:

– Все говорят, у Тьмы нет границ власти и законов. Закон – тот, кому подчиняется Тьма. И нет других правил. Тьма – это не хаос, это право сильного вершить судьбу лишённых мрака. Если бы отец был слабее малярийцев, то он бы не смог выпить их силу и стать королём! А почему он выпил Свет? Потому что так захотел и разрешил себе! Марна делает, что хочет. Солвег и Улва делают, что хотят. Они даже раньше меня закончили учиться – мне это обидно, Аша. Инграм улетает охотиться на души, когда ему захочется, хотя его седьмая жертва была давно принесена. Он свободный, поэтому отец его не ругает...

Кайа остановилась перевести дух:

– Вот увидишь, Аша, мы обязательно поженимся, и я стану королевой Фрейнлайнда. Я – младшая, а это значит, что сестёр успеют выдать замуж. Не будем же мы все жить вместе до последнего полёта! Инграма отец сделает наследником, а настоящему королю нужна настоящая королева. Зачем брать из диких девушку и посвящать её Тьме? Матушка стала королевой, потому что все сёстры отца погибли в войне. Но я-то – живая! И я люблю Инграма, а он – меня. Он доверяет мне больше, чем Марне, Солвег и Улве. Видишь, Аша, у меня все шансы стать сильной владычицей Тьмы, и я не буду ждать, когда она меня благословит. Учитель говорил, что настоящий повелитель – силён ещё до обретения власти и чтит законы, гарантом которых станет в будущем. А мы что сейчас делаем? Мы соблюдаем законы Тьмы. Я делаю, что хочу. Сердце моё полно гнева и желания покорить остальных. Разве я не права?

Неизвестно, повлияла ли риторика монолога на бессловесную Ашу, но уверенность хозяйки тень почувствовала. Путь не преграждала, предупредительно открывала запертые двери на пути Кайи, и когда до стража темницы оставался один пролёт, ринулась вперёд, чтобы быстрее усыпить крепкого фрейлера.

Кайа выглянула из-за угла – страж уже недвижно сидел у железных дверей на полу, прижав к себе хлыст, голову откинул к стене и начинал похрапывать. Даже бутылка с вином не пригодилась. Кайа её поставила в ноги спящему как оплату за причинённое неудобство, отцепила связку ключей от пояса, быстро нашла знакомый ключ и вскоре стояла внутри коридора, освещаемого несколькими факелами, не забыв попутно набрать воды – на этот раз в кувшин.

Но открыть дверь в темницу рыжего малярийца оказалось проще, чем зайти внутрь. Во-первых, накатила знакомый страх: вдруг маг сумел освободиться из оков и теперь поджидал гостей? Во-вторых, крайне неудобно защищать себя, когда в одной твоей руке кувшин, а в другой – факел.

– Аша, проверь! – приказала шёпотом Кайа, и охранница метнулась внутрь, облетела каменную клетку, вернулась и расслабленно расплылась: всё в порядке.

Ручка факела плотно села в пазуху держателя у входа, Кайа повернулась, и в нос с ударил сладковато-приторный запах запёкшейся крови и гниения. Кайа остановилась, сглатывая тошнотворный позыв, – что-что, а фрейи всегда пили только свежую кровь и брезговали трупной.

Малериец полувисел на одной цепи за одну руку, узнавался почерк Марны – освободить, но не до конца, чтобы эта самая малость убивала сильнее. Ни звука не доносилось из его угла, и Кайа бросилась к мужчине, снова забыв о собственной безопасности. Кажется, раб находился без сознания, но был жив: на шее почти незаметно дышала жилка.

Кайа подёргала за натянутую цепь, кольцо в стене и оковы, обхватывающие запястье малерийца, сидели крепко.

– Аша, ты можешь помочь? – шёпотом спросила Кайа, как будто громкий голос мог привести умирающего в чувство.

Тень-сообщница колебалась, обнюхала цепь по всей длине, скрепляющие детали и задумалась. Неожиданный звук металлического щелчка заставил Кайю подпрыгнуть и отшатнуться – малериец повалился на своё грязное ложе и застонал.

Ушла минута, прежде чем Кайа отдышалась от страха, взяла поставленный на пол кувшин и поднесла к лицу раба:

– Эй! Пить! Ты надо пить!

Тот не слышал, и упавшие на лицо капли, как в прошлый раз, не подействовали. Пришлось опускаться на колени, поднимать грязную с тяжёлым ароматом голову и пытаться влить в запёкшиеся губы влагу. Дело продвигалось плохо. Малериец если и пил, то понемногу, вода в основном скатывалась по его подбородку на шею и на каменный пол.

– Ты надо пить! – с отчаянием повторила Кайа, испытывая желание расплакаться: Марна-дрянь всё-таки убила раба, лишь бы никому не достался!

– Не так. Дай я помогу, – негромко сказал мужской голос в дверях.

Кайа вскрикнула, Аша мгновенно заслонила собой хозяйку, а мужской силуэт шикнул:

– Тихо, доннина, я не причиню вам вреда.

Это был болтливый раб, выторговавший себе относительную свободу у Солвега. Значит, вот кто следил за Кайей! Страх парализовал принцессу, в голове засvistели панические мысли – как вылезти из-под малерийца, обогнуть нежданного гостя и сбежать, спастись.

– Ему надо помочь открыть рот, – спокойно произнёс Дыв, приближаясь к застрявшей на коленях фрейе. – Вы держите кувшин, а я придержу челюсть. Торвальд слишком ослаб, его не кормили несколько дней.

Кайа в оцепенении наблюдала, как напротив присаживается болтливый раб, действительно оттягивает челюсть, как вода попадает наконец в полость рта, но малериец ещё не может глотать... И вдруг рыжий маг захлёбывается, давится водой, начинает кашлять. Дыв его поднимает сильнее, легонько хлопает по спине, и вот малериец жадно и шумно глотает воду.

– Подожди, дружище! Тебе надо обработать раны... Эх, ты выпил всю воду...

Дыв переворачивает кувшин над своей ладонью, совсем тонкая струйка плюхается в пригоршню, и кармалиец увлажняет лицо своего товарища.

– Я принести вода, – воспользовавшись тем, что на неё не обращают внимания, и малериец подался вперёд, Кайя вскочила, бросилась к выходу.

– Кувшин возьмите, доннина, – в спину прилетел бархатный голос Дыва.

Ещё продолжая чувствовать мурашки от баритона, Кайа медленно вернулась, рывком забрала посуду из вытянутой руки. Теперь можно было сбежать, никто бы её не догнал! Она дошла до храпящего стража, поставила кувшин возле бочки. Если посильнее пнуть охранника, он проснётся, и тогда Дыву несдобровать, его больше никогда не выпустят из клетки!

“Но тогда убьют и малерийца”, – равнодушно подсказал разум. Кайа наполнила кувшин и вернулась в темницу раба своей сестры.

– Благодарю, – Дыв, в голосе которого и взгляде сейчас не было насмешки, задевшей некогда принцессу, принял кувшин, намочил принесённую тряпицу и начал отирать друга, а потом наносить мятную мазь на его гноящиеся раны.

Кайа наблюдала молча, я рядом с ней замерла Аша, ожидая приказаний. Тихое предупреждение Дыва снова вызвало мурашки:

– Вам лучше уйти, доннина. Вас могут наказать. А я закрою темницу и верну ключ стражнику.

– Он жить? – неуверенно спросила она, внутренне соглашаясь с советом врага. Дыв обратился к ней на фрейском, а она, по причине недавно поселившейся мечты выучить карамалийский, – на иноземном наречии.

– Пока да. Торвальд – сильный, но, к сожалению, магия убьёт его самого, это вопрос времени. Если наш принц не приедет в течение этой недели, и ваша сестра не смилостивится, Торвальд умрёт.

– Что я мочь делать?

Дыв с удивлением повернул к ней голову, смерил любопытным взглядом:

– Умеешь снимать сдерживающие браслеты? Вот эти, – он указал на тонкие чёрные обручья, какие были у всех рабов, кроме Дыва.

– Я – нет, – Дыв вздохнул. – Аша уметь.

– Аша?

– Это защита от моя мать. Если вы меня убивать, Аша убивать вас.

– Моя твоя не хотеть убивать, – хмыкнул Дыв, превращаясь в знакомого насмешливого карамалийца. – Если бы вы хотели уйти, давно бы ушли. Зачем вы здесь?

Простой вопрос поверг в смущение. Не хватало ещё, чтобы Её высочество откровенничала с рабом!

– Я хотеть видеть живой маг света. Отец запрещать, и я хотеть сделать, – гордо поведала часть правды. Пусть раб знает, что выдаст, когда его начнут пытаться.

Голос Дыва улыбнулся:

– Я тоже не послушался отца и сбежал из дома, лишь бы насолить ему. И где я теперь? Вы помогли достаточно, доннина, уходите, я верну ключи на место. Если Торвальд выживет до приезда принца Ядрана, я замолвлю за вас словечко, и вам преподнесут ценный подарок.

Кайа фыркнула. Какой же болтун этот карамалиец! Скомандовала:

– Аша, сними с раба обручья... Я приказываю!

Ручная тьма покапризничала, но сдалась быстро. Засновала вокруг запястий рыжего малерийца, находящегося в полуобморочном состоянии. Дыв наблюдал за колдовством:

– А вам, доннина, тоже хочется узнать, какова она – магия Света?

От прямолинейного вопроса принцесса растерялась. Аша уже сняла один браслет, и рука малерийца дёрнулась, посыпались искры, так что Дыв молниеносно брызнул воды, туша блестящие точки на сухой соломе:

– Тихо, тихо, дружище! Ты должен контролировать себя. Мы сбросим твой ресурс, но не так. Пожар в темнице нельзя устраивать! – Дыв пытался лёгкими пощечинами привести товарища в сознательное состояние.

– Ядран приехал? – хрипло спросил Торвальд, с трудом принимая вертикальное положение.

– Ещё нет. Тебя пришла спасти доннина, – Дыв отодвинулся, открывая стоящую за собой фрейю. – Прости, мы не можем тебя освободить. И помочь сбежать тоже. Тебя и меня поймают. Но тебе нужна передышка. Я захватил кое-что для тебя...

Дыв полез в широкий карман штанов фрейского покроя, которыми одарила его госпожа, достал свёрток, развернул и протянул другу:

– Ешь. Если получится, я завтра тебе ещё принесу. Ты ослаб...

Кайа слушала карамалийскую речь, выхватывая отдельные слова: “помочь”, “поймают”, “сбежать”, “принесу” – и постепенно к ней возвращался ужас преступника, осознавшего глубину вины. Что она сотворила?! Теперь с её помощью пройдоха Дыв поможет сбежать малерийцу! Отец за такое не похвалит и накажет. Одно дело – дочь тайно подсматривает за рабами, другое – помогает им сбежать... Она лихорадочно представляла себе, как сделает: сбежит, по дороге вытащит ключ из замка в темницу малерийца, Аша задержит, потом Кайа разбудит охранника... Но Дыв обернулся:

– Вам требуется перевод того, что я сказал, доннина?

О, Тьма Созидающая, почему он так спокоен?! Сердце гулко стукнуло, готовясь к побегу.

– Дайте нам несколько минут, доннина, иначе ваша жертва будет напрасной. Мой друг сбросит излишки магического ресурса, а затем нужно будет на него снова надеть браслеты и цепь.

– Вы не хотите бежать? – пересохшими губами спросила Кайа.

– Нам нельзя. Мы должны дождаться нашего принца. Нам не нужна война с фрейями. Кроме того, если мы сбежим, наши товарищи погибнут.

На юную принцессу смотрели две пары глаз – серые и зелёные. Аша с минуту назад сняла второй браслет, так что малериец потирал руки, запястья, мял плечи.

– Хорошо. Я ждать.

– Благодарю, ваша милость, – Дыв легко поклонился и повернулся к товарищу, не спуская глаз с принцессы. Тот что-то сказал, и Дыв перевёл. – Торвальд говорит, что вы напоминаете ему его дочь. Она тоже очень смелая. А вы из всех фрейев больше похожи на человека, чем на... ящерицу.

Девушка вздрогнула от слова, некогда задевшего её:

– Я не получить Тьма. Я восемнадцать лет. Скоро получить. Потом я быть ящерица!

Рабы переглянулись многозначительно. Дыв коротко бросил, мол, теперь ему всё понятно, и пожелал принцессе скорейшего совершеннолетия. А потом, как поняла Кайа, малериец начал делиться магией, сбрасывать накопившиеся излишки в своего друга: мужчины взяли за руки, соприкасаясь ладонями, и упёрлись лбами друг в друга. В полумраке темницы отчётливо были видны мелкие искры, проскальзывающие из сомкнутых рук. Внезапно Дыв взмолился:

– Хватит, Тор, не могу больше!

Мужчины разъединились, и Дыв схватился за лоб со стоном и руки, смочил их и протёр себя. Малериец уже выглядел намного лучше, расслабился, опуская голову и еще с минуты две сидел неподвижно, пока сотоварищ успокаивал свою кожу.

– Почему вы не хотите отдать сила моя сестра? – после увиденного Кайа недоумевала. – Вы стать легче, вы получать хороший еда и купаться каждый день.

Дыв хмыкнул:

– Проблема в том, моя доннина, что ваша Тьма не просто забирает часть Света, а травит его остатки. Мой товарищ со временем потеряет магию, но не это страшно. Без законного договора между Тьмой и Светом равновесия быть не может. Торвальд может заразиться Тьмой, если ваша сестра того пожелает, и, вернувшись домой, погубит своих родных, а возможно, и остальных.

– Но мой брат говорить, ваш маг вода и маг трава становится сильный, как раньше!

– Они не маги, доннина. Они – карамалийцы. У нас почти так же, как и у вас – фрейи и фрейлеры имеют разный уровень владения магии. Разве ваш мастер Оржан или секретарь вашего отца могут посылать зов родным, как это делает ваша сестра?

Кайа покраснела – раб напомнил ей о четырёх бессонных ночах по вине несдержанности Солвег.

– Что он делать? – спросила о тихо мычащем малерийце, вместо того чтобы согласиться со словами раба.

Дыв обернулся на товарища:

– Не беспокойтесь, доннина. Он лечит себя и готовит к следующим пыткам. Его раны начали гноиться, поэтому он их прижигает изнутри.

Минуты шли издевательски медленно. Аша успела метнуться на выход, почуяв неустойчивый всхрап стражника, усыпила его снова и вернулась. Малериец, наконец, справился, перекинулся парой фраз с товарищем, и тот перевёл, мол, Торвальд хочет ещё немного сбросить ресурс, для этого просит доннину выйти, если вдруг магия света покажется болезненной. Кайа была заинтригована.

Расслабленный Дыв попросил, раз принцесса добра, разрешить навестить товарища, заключённого в темнице напротив, пока Торвальд сбрасывает ресурс. Принцесса действительно была добра и кивнула, её интересовало только происходящее в этой узнице.

Дыв вышел, а малериец опустился на колени и приложил ладони к полу. Кайа стояла почти у самых дверей, магия если и распространялась по низу, то медленно. Лишь факельный огонь вспыхнул, как сумасшедший, напугав Ашу. Внезапно Кайа почувствовала ЭТО. Оно тронуло её ноги, отпрянуло, а затем снова обняло и поползло тёплой волной вверх. Не было ни больно, ни страшно – одно ласковое тепло, как от насмешливого и доброго взгляда Инграма.

Тёплая волна дошла до сердца, согрела его и остановилась. Захотелось плакать, просто так, без причины, и уткнуться в материнскую грудь. Малериец же, закончив действие, поднялся с колен, знакомо приложил ладонь к сердцу и вернулся в свой угол, где лежала цепь. Теперь, наверное, нужно было снова заковать его, Кайа обернулась, но Аши рядом не было. Пришлось выйти в коридор, где слышались два тихих мужских голоса. Матушкина защита испуганно жалась к решётке, и Кайа догадалась: магия малерийца задела настоящую Тьму!

– Аша, всё закончилось, иди ко мне, ты нужна!

Мужское парное бормотание вмиг затихло, потом послышался приглушённый голос Дыва, и он вышел из темницы Янне сына Нарри:

– Что случилось?

– Мы нужно идти, – Кайа провела рукой над облачком, коснувшись её плеча. – Аша, надень обручья на раба и цепь.

Неохотно послушалась ручная Тьма, медленно заплывла в темницу к малерийцу, он самостоятельно надел растянувшиеся браслеты, Аша покрутилась, закрывая их, потом точно так же металлическое кольцо, соединённое с цепью, – и с облегчением молниеносно вылетела из темницы.

Дыв сказал пару слов товарищам, закрыл замки на дверях, на решётке, прицепил ключи на пояс к охраннику, и зашагал рядом с принцессой, улыбаясь своим мыслям.

Кайа молчала, косилась на спутника и злилась: вот что сделали сказки с ней! Всё детство слушала истории, бессознательно отбирая те, что некогда стали наследием от рабов-малерийцев.

Ни одна из сестёр не мечтала увидеть светлокосых жителей Кар-Малерии, как этим бредила Кайа. И вот один из них, не светлокосый, не настоящий маг идёт рядом с ней, улыбается, а у Кайи мурашки то и дело щекочут плечи и руки...

Аша вдруг резко остановилась перед лицом принцессы и рванула в темноту, а через несколько мгновений заметалась рядом, то сжимаясь в плотное пятно, то становясь похожей на птицу.

– Сёстры с матушкой вернулись! – догадалась Кайа, и кровь отлила от лица: – Вы не успеть приходить!

Раб заметно испугался:

– Бежим!

– Нет! – Кайа (неслыханное дело!) схватила его за руку и потянула в сторону кухни, переходя с карамалийского на родной от волнения. – Поднимемся по кухонной шахте! Я так много раз делала!

На кухне, слава Тьме, спала обычная ночь. Низ шахты, на которой находился стол для блюд, подаваемых наверх, был открыт. Кайа потянула раба за собой: “Сюда!” – залезла сама и толкнула рычаг от колеса с накрученной на него цепью. Механизм скрипнул и замер.

– Аша!

Тьма метнулась от хозяйки, и стол с двумя крупными “блюдами” поехал вверх, ускоряясь. Из-за тесноты приходилось терпеть мужчину, прижимавшегося боком и обхватившего рукой.

– Куда мы выйдем? – спросил раб, обжигая дыханием ухо принцессы.

– В центральную башню, наши комнаты выше на один пролёт.

– Благодарю, доннина.

Кайа помолчала, Аша трудилась внизу, но даже так шахта ехала слишком медленно: под рукой карамалийца вспотело тело, и хотелось, чтобы он её или убрал, или уже сдвинул сильнее...

Толчок оповестил: стол появился во фрейской столовой. На сидевших под столом сразу обрушился прохладный воздух, свободно гулявший на верхнем ярусе. Карамалиец вдруг быстро приложился губами к руке Кайи, сошедшей с подъёмного механизма, и выскользнул в ветряной сумрак коридора – к своей комнате избранного слуги.

Аша догнала хозяйку на лестнице по дороге к бабушкиной башне, оставалось немного – открыть дверь, добежать до ложа и плюхнуться в кровать. Если матушка заглянет к дочери, та уже будет спать.

– И где ты гуляла, обманщица? – спросил ироничный голос Инграма, валяющегося на постели младшей сестры.

7. Цена любви

В голову ничего оригинального не приходило: разум, только что перенёсший несколько волнительных минут, не оказался готов к новому испытанию. Кайа молча плюхнулась рядом с братом, потянулась и пробормотала:

– Погуляла немного.

– Где можно гулять ночью во дворце? Я понимаю: если бы ты имела крылья, то улетала бы да хотя бы к диким, на их игрища.

– Получу крылья и обязательно туда слетаю. Ты меня возьмёшь с собой? – сестра перевернулась на живот и подпёрла рукой голову, чтобы видеть родное лицо вблизи.

Инграм не притворялся, что устал, от него приятно пахло морской солью и влагой. Крылья были свёрнуты и не видны, но то, что они не успели высохнуть в полёте, Кайа знала по прошлым полнолуниям. Сейчас прохлада Побережья таилась внутри брата, и девушка не удержалась, погладила чешуйчатый изящный рисунок на скулах. Инграм улыбнулся и повернул к ней лицо:

– Матушка сегодня пообещала Солвег седьмую жертву. Полетим через неделю к диким. Знаешь, что это значит?

– Что дикие больше двух жертв в год не приносят, – с иронией ответила Кайа, и брат посмеялся:

– Заноза ты. Дождаться не можешь инициации?

Девушка вздохнула. С Инграмом давно хотелось поговорить серьёзно, но он всегда отшучивался, стоило ей заговорить на болезную тему, как чувствовал. А сегодня отчего-то негана на него, прилетел к ней, а не к себе или остался с сёстрами.

– Не только инициации.

Брат не двигался, только смотрел, поэтому Кайа осмелилась, приподнялась и сместилась на локтях ближе к нему, оперлась на его грудь – сложила голову на руки:

– Я люблю тебя.

Инграм поморщился:

– Давай не будем об этом хотя бы с тобой, а? Хотя бы сейчас.

– Марна, Солвег и Улва тебе признавались? – вдруг догадалась Кайа.

– Улве нравится Горан.

– Ух ты! Ну-у-у, Горан тоже ничего, но ты лучше.

Инграм повозился, скинул с себя сестру, сел на край кровати, зевнул:

– Завтра отец с утра хочет слетать на восточную границу. Дикие сказали, там что-то случилось. Вернее, их гвыбод⁵ увидел. Говорит, горы растут, земля дрожит, два племени погибло.

– Будь осторожен, – руки Кайи обвили плечи брата и сомкнулись на его груди.

– Кайа! – Инграм недовольно скинул тёплые оковы. – Что с тобой сегодня такое? Приставучая стала. Я знаю, где ты гуляла – ходила на карамалийца паяться, пока Солвег не видит... Отстань!

Он встал резко:

– Маленькая ты ещё!

Слушать это от Инграма было обиднее всего, и слёзы брызнули из девичьих глаз. Принц, ещё не умеющий сопротивляться женским уловкам, тут же обнял:

– Ты только плакать умеешь!

– А ты меня обнимаешь, только когда я плачу! – сквозь слёзы пробубнила Кайа, чем насмешила брата.

⁵ Гвыбод – шаман (валл.)

– Бобо-боба-ба-бабу! – передразнил Инграм. – Не плачь, малышка. Ты же ещё ребёнок, как я могу на тебя по-другому реагировать? И не проси меня стать твоим первым мужчиной. Мне Марны и Солвег хватило. Не надо мне рассказывать про Ребекку и Нельса Великодушных. Я сыт по горло сказками о прадедах. И как можно жениться на своей сестре – это же скукота серая! Знать, что она сейчас скажет через минуту, в какой позе уснёт рядом – к тебе спиной или лицом... Те времена, когда мы должны были блюсти чистоту крови, прошли. Я хочу повидать мир. Даже убогие малерийцы путешествуют, а меня отец дальше, чем на крыло, от себя не отпускает. Я бы мог облететь Всемирье, как это сделал мой дед Инга, имя которого запечатано во мне. Может, я найду прекрасную принцессу Тьмы, и мы создадим своё Всемирье?

Кайа ошарашено слушала брата, впервые разразившегося подобными откровениями. Так вот он что задумал! Смыться из дома и отправиться исследовать Всемирье! Без неё! Она мстительно стукнула брата по плечу:

– Ну, и лети! А когда ты вернёшься, я всё равно тебя буду ждать. И лучше меня ты всё равно не найдёшь! Потому что только я знаю – ты грызёшь ногти, когда нервничаешь, и меня это не раздражает!

Инграм расхохотался, приподнял сестру так, что её руки оказались зажатыми по бокам:

– Договорились, если лучше тебя не найду, то женюсь, сестричка, клянусь Тьмой Воссо-единяющей!

Кайа поникла. Уж она-то, и вправду, знала брата хорошо: на ветер слов он не бросал. Не зря, выходит, появлялся иногда на лекциях учителя послушать о разных странах, а появление карамалийцев подогрело любопытство. Но если Инграм улетит, то с кем она будет секретничать?

– Я буду скучать по тебе, – хныкнула она. – Когда ты сбежишь?

Инграм поставил её на ноги и прижал к себе:

– Завтра, сестричка, как раз удобный случай. Мы достигнем восточной границы, а там я расскажу всё отцу и полечу дальше.

Кайа разревелась. Так вот зачем Инграм пришёл к ней – попрощаться! Брат не отталкивал и не сделал вид, что ему надо срочно куда-то. Терпеливо дождался затишья и сказал ровным голосом:

– Всё? Ты как будто меня проклинаешь и не хочешь дожидаться, – он сурово цыкнул на начавшееся “Я? Я тебя не проклинаю!..” – Цыц, я постараюсь вернуться быстрее, через полгода, так и быть. Не вой! Полгода быстро пролетит. Ты как раз получишь свою первую жертву, у тебя прорежутся малюсенькие крылышки, вот здесь...

Инграм пощекотал сестру за бока, а потом снова обнял и заговорил серьёзно:

– Вот когда прилечу, тогда и поговорим, малышка... А сейчас мне нужно приготовить кое-что в дорогу. Матушка велела зайти к ней, а я у тебя задержался.

Кайа, уткнувшись в грудь Инграма, пыталась запомнить его запах.

– Давай-ка прощаться, я к тебе утром загляну, если спать не будешь, обнимемся ещё раз.

– Не заглянешь!

– Обещаю. Ну? – он отодвинул её от себя, и отёр мокрое лицо шершавой ладонью, впитавшей глубинную соль океана. – Что тебе привезти?

– Ничего, – буркнула она, сглотнула, набираясь смелости, и подняла лицо. – Если ты завтра улетаешь, останься сегодня со мной!

– Кайа!

– Почему нет?!

– Я тебе уже сказал: пока ты не получила Тьму, никаких разговоров об этом!

– Тогда просто поцелуй! По-настоящему! Не можешь быть моим первым мужчиной в постели, стань первым в поцелуе!

– Ох, Кайа, заноза! – Инграм покачал головой, зная упрямство сестры. – Обещаешь не приходить ко мне сегодня?

– Если поцелуешь...

Инграм не торговался больше, ибо и впрямь потерял много времени. Решение лететь на другой край Всемирья сегодня вдруг окрепло, он уже и сам не знал, почему. Некий Зов Тьмы ему приказывал сниматься с места и бежать, не оглядываясь назад, будто здесь, у самого Сердца Тьмы, родилась опасность, неотвратимая и грозная.

Он приподнял когтями лицо сестры, приоткрывшей губы, и коснулся их, раздвигая языком. Кайа оказалась совсем неопытной. Даже неуверенная в себе Солвег к получению Тьмы умудрилась найти учителя по поцелуям, и первый раз случился так бурно, что Инграм впал в священный экстаз, его просить не пришлось – сам сорвал с Солвег одеяние. А может, просто был слишком юн? Да, в неопытности Кайи таилась своя прелесть, но, к сожалению, она не возбуждала...

– Понравилось? – спросил, разрывая поцелуй.

Девушка прислушалась к себе:

– Какой-то он мокрый... Но я запомню его как самый прекрасный поцелуй! Ты вернёшься, и тогда... – слова застряли из-за кома в горле. “Я смогу тебя удивить” – эти слова не были сказаны. Инграм понял двусмысленность по-своему.

– И тогда ты уже будешь взрослая. Всё, Кайа, тёмной тебе и мягкой ночи. Отпусти меня... Умница!

Он чмокнул сестру в лоб, развернулся к террасе, быстро преодолел расстояние до края и упал камнем вниз, распахивая крылья. А потом взлетел и в полёте обернулся: Кайа стояла у края террасы, и Аша держала её за шиворот, чтобы слишком эмоциональная хозяйка не шагнула в пустоту проверить – успеет её поймать брат или нет.

– Не проспи! – крикнул Инграм на прощание.

И ... она проспала! Долго ворочалась, плакала о потере. О себе, такой несчастной и всеми забытой. Она была почти что рабом, только имеющим право свободно перемещаться по дворцу. Потом мысли перетекли к сероглазому Дыву и его отросшей бороде, в которую во сне отчаянно хотелось вцепиться. Где-то далеко кричала иступлённо Марна – взаправду или во сне, Кайа не смогла бы сказать, витая в своих жалостных дрёмах. Под утро приснился рыжий малярик и его улыбка, сдержанная, но тёплая одновременно. Перебрав в голове все впечатления и мысли, Кайа, наконец, провалилась в то состояние, когда разум отпускает, и проснулась от лёгкой тряски.

Аша металась рядом.

– Что случилось?

Матушкина защита замерла. Кайа прислушалась к ощущениям: кровать, и правда, дрожала. Девушка соскочила на пол, слегка ходивший ходуном. Значит, гвйбод диких увидел правильно: что-то во Всемирье случилось, раз волна дошла до Фрейнлайнда. Не хватало, чтобы Сердце Тьмы проснулось... Хотя... Кайа улыбнулась: может, только этого ей и не хватало – глядишь, под шумок, дар быстрее бы в неё проник.

На террасу приземлилась Солвег:

– Ты проснулась? Матушка прислала за тобой, боится, что ты с ума от страха сходишь. Инграм с отцом улетели... Ты не знала, что Инграм улетел надолго? Ах-ха-ха-а! – Солвел залилась хохотом, видя растерянное и расстроенное лицо сестры. – Собирайся, матушка нас ждёт. Аша, помоги ей, у слуг паника, и твоя служанка воет, сдурела от страха.

Кайа поплелась к кровати, возле которой была брошена как попало одежда, подняла её и натянула. Тень засновала, помогая застёгиваться. Трясти пол перестало, словно ничего не было, и Кайа повалилась на кровать:

– Не хочу никуда идти!

Что-то кольнуло в бок, и рука вытащила цветок с нераскрывшимся бутонем. Кайа улыбнулась, сразу появились силы: Инграм не забыл, залетал к ней, а она храпела, наверное, как тот пьяный стражник в темнице.

– Ох!

– Всё, высказалась? – скучающим голосом отозвалась Солвег. – Не хочешь одеваться, я тебя раздетой поташу, пусть все слуги твои голые ноги видят.

– Иду! – пробормотала Кайа, ускоряясь. Дело было не в угрозе Солвег. Если трясло весь Фрейнлайнд, то что почувствовали пленные карамалийцы? Надо срочно их проведать!

Из-за отсутствия супруга королеве Отилии пришлось заниматься его делами. Непредвиденное землетрясение, случившееся впервые за несколько сотен лет, могло принести немало ущерба, поэтому Отилия призвала дочерей на помощь. Сначала она планировала облететь дворец, придирчиво осмотреть его, нет ли где угрозы обвала, затем с Улвой отправиться на восток столицы, до первой горной цепи, а Марне с Солвег поручила ближайшую южную, с портовой пристанью, и западную площади, прилегающие к столице.

Кайа неуверенно заикнулась про рабов: как они там, не обвалилось ли где – и матушка рассеянно согласилась.

– Хорошо, дорогая, вы с Гораном осмотрите дворец изнутри, начиная с нижнего яруса. Итак, девочки, за работу!

Не теряя времени, имеющие крылья упорхнули, а Кайа чуть ли не вприпрыжку понеслась вниз, пока не вспомнила про Дыва; предложила Горану взять с собой переводчика на всякий случай. Секретарь короля, подумав, согласился, но по пути отдал ещё несколько распоряжений, так что в темницу в итоге спускалось несколько фрейлеров, включая учителя Вилфреда.

Внизу, кажется, всё было в порядке, если не считать нескольких камней в кладке, раскрошившихся или вылетевших из стены. Рабы действительно были напуганы, Дыв их успокоил и обратился к Горану от имени рабов с просьбой разрешить совершить омовение после пыльной встряски. Такие вопросы отцовский помощник не мог решать без дозволения своих хозяев – повисла короткая пауза, в которой Дыв явно был недоволен, но опустил глаза, чтобы спрятать эмоции, а Горан уже раздумывал, осмотреть ли соседний коридор, ведущий к утёсу с северной стороны дворца или же закончить со всеми помещениями внутри.

Злой голос юной принцессы заставил суровых мужчин обернуться на неё и воззриться удивлённо сверху вниз:

– В отсутствие моего отца, Его величества Асвальда Второго, и по поручению моей матери Её величества Отилии я, Её высочество Кайа бескрылая, уполномочена принимать все решения по возложенным на меня обязательствам! Приказываю немедленно отправить всех рабов в купальню, накормить, а во время их отсутствия убрать их клетки!

Горан прищурил миндалевидные глаза, похожие на отцовские, приблизился через образовавшийся коридор к мелкой принцессе и иронично поклонился:

– Боюсь, что этот приказ, Ваше высочество, выходит за рамки поручения Её величества королевы Отилии, данного в моём личном присутствии.

Кайа задохнулась от гнева, а стоящие рядом фрейлеры прятали тонкие улыбки – кто почёсывал бороду, кто рассматривал полированные и покрытые лакировкой когти. Дыв озабоченно теребил браслет на правой руке, якобы надетый на него властями Кар-Малерии за какой-то проступок.

– А знаешь что, Горан-дан? – прошипела Кайа, мстительно глядя в глаза наглого королевского помощника. – Когда я получу крылья, клянусь, выпью половину крови всех, кто сейчас здесь стоит!

И вдруг что-то случилось, она не смогла бы дать точное определение происходящему, лишь увидела, как расширяется вертикальный зрачок в глазах напротив стоящего отцовского любимца. Горан вдруг медленно поклонился и гаркнул:

– Приказ Её высочества привести в исполнение! Рабов помыть и накормить, клетки почистить!

– Всех рабов. И малярщика тоже! – уточнила Кайа.

– Раба-малярщика временно освободить и отправить вместе со всеми в купальню!

Фрейлеров вдруг перестала интересоваться темница. Они уходили, а за их спинами стражи открывали клетки и покрикивали на пленных. Дыв как переводчик остался там же по указанию Горана.

Через несколько часов, узнав о том, что все её усилия пошли прахом, Марна отвешивала пощёчины потерявшему Горану:

– Как ты смел, грязный фрейлер, отпускать моего раба?! Я вместо него с тебя спущу шкуру!..

Марну с трудом успокоила королева, напомнив о том, что рабы, – в первую очередь, заложники слова чести кар-малярского принца.

– Я этого мага две недели обрабатывала, он уже был готов отдать мне свою магию, а эта убогая сущность перечеркнула все мои усилия! – шипела сестра.

Смешливые переглядывания Солвег и Улвы подливали масло в огонь, и Марна свирепела сильнее. Матушкина защита, какой-то кусок тьмы, Аша несколько минут назад приняла удар на себя, когда Марна готова была придушить “благородную сестрёнку”. И старшая принцесса переключилась на того, кто не смог ей противостоять.

– Ты такая мерзкая, что тебя нужно не только окунуть в океан, а поддержать в нём, чтобы ты усолела, как рыба, – огрызалась Кайа на реплики сестры.

Кстати, о Побережье. Посоветовались, стоит ли сегодня лететь туда, матушка, разумеется, оставалась дома, и сёстры подумывали найти себе занятие повеселее. Но отец задерживался, небесный Иль жарил ночной Фрейнлайнд своим ярким светом, и юные фрейи всё-таки снялись с места, скоротать время у охлаждающей воды. Кайа, ожидая отказа, жалобно попросила сестёр взять её с собой, ведь Инграм улетел, и теперь некому было развлекать её...

Марна, которая ещё не остыла от недавней ссоры, злорадно посоветовала никчёмной бескрылой “благородно почистить все нужники” у рабов. Королева шикнула на Марну, но слова уже брызнули во все стороны. На этот раз Кайа сдержалась и с вызовом громко ответила:

– Назло тебе буду сегодня весь вечер читать интересную книгу, чтобы ты была спокойна!

– Хватит, девочки! – шикнула королева, на том ссора и закончилась.

Сёстры улетели, и Кайа спустилась в темницу. Дыв не присоединился: или его заперли основательно, или посчитал, что на сегодня достаточно помог товарищам. Его отсутствие немного уязвило, но потом принцесса подумала, что так даже лучше – никто не смутит её. На кухне порылась в закромах, и, на этот раз не мелочась, взяла с собой еду, бутылку рафа (все мужчины его любили), погрузила в небольшую корзину. После истерики Марны решимость приручить самого лучшего раба только окрепла, но теперь-то Кайа знала, как его задобрить!

У дверей дежурили двое стражей, Аше пришлось повозиться, чтобы усыпить их, и это заняло время, что было обидно. Но когда малярщик улыбнулся широко, увидя гостью, Кайа отмела все сомнения. Аша, пострадавшая сегодня за свою хозяйку, кажется, тоже понимала, что препирательства ни к чему, кроме как к потере времени, не приведут, – засновала возле цепи, потом сняла и блокирующие магию обручья.

– Ты кушать! – Кайа поставила корзину перед рабом, с облегчением опустившемся на свежую солому. – Ты нужно спустить магия?

– Благодарю, моя доннина, за вашу заботу, – впервые за всё время басовито сказал раб, и другие мурашки, не те, что появлялись от голоса соблазнительного Дыва, – тёплые и радостные – волной окатили спину.

Рыжий малериец, не вставая, протянул руку к холодной стене, закрыл глаза. Кайа с любопытством наблюдала, и он это почувствовал. Спросил:

– Доннина желает магии света?

Кайа почувствовала неловкий страх в его глазах. В самом деле, раб же не знал о причине внезапной заботы со стороны одной из фрей. Гостя помялась, заранее боясь, что её сочтут дурочкой, как обычно.

– Нет. Я хотеть ты потрогать.

Малериец некоторое время переваривал услышанное, и вдруг смешливые искорки заблестели в зелёных глазах:

– Потрогайте меня, доннина.

– Ты разрешать?

– Я разрешаю.

– Я разрешаю, – зачарованная густым басом, повторила Кайа, подползла на коленях и протянула руки к малериюцу.

Он ждал и терпел недоверчивый страх, не дающий ему покоя после встреч со злой Марной.

– Какой мягкий и чистый твой кожа! – Кайа дотронулась до его груди, провела по плечам. – Ты большой!.. Мягкий волосы... Наши не мягкий... Почему твой волосы мягкий?

Воплотив долгожданную мечту, Кайа жадно ощупывала торс, восхищалась волнистыми линиями бугристых мышц, потербила отросшую бородку и запустила руки в нежные, по сравнению даже с волосами матери, волосы. После купания рыжая шевелюра не выглядела свалевшейся соломой, и, кажется, раб пробовал причесаться.

– Ты есть и пить еда, я ты заплетать... забыть слово... твой волос в это, – принцесса пересела за спину раба, восхищённо погладила его спину в тонких заживающих рубцах и взялась за волосы. – Почему вы карамалийцы красивый? Это есть ваш магия свет?

– Я не знаю, доннина, – раб не накинусь на еду, но с удовольствием попробовал раф. Теперь он расслабился, когда понял истинную причину внимания любопытной девчонки.

– Ты не дать магия моя сестра, ты бояться о свой жена и дети?

Кайа сняла с одной из своих косичек витиеватую застёжку и закрепила на получившейся совсем мелкой косичке малериюца:

– Твой волосы расти, ты скоро иметь большой... забыла слово...

– Косу.

– О, ко-су. Да, я это слово забыть, – Кайа вернулась на прежнее место перед рабом. Ждала, пока он насытится. – Я приходиться ночь. Я тебя спасать и кормить. Ты хотеть? Твой принц приехать – ты жить.

Малериец отложил кусок копчёного мяса, перестал жевать:

– Что вы хотите взамен, доннина?

Кайа медленно ответила, чувствуя неловкость от пронзительного взгляда:

– Ты меня учить твой язык.

Цена была крайне неожиданной для раба, он даже подавился.

– Ты пить раф, не кашлять, – принцесса добродушно протянула бутылку.

Малериец долго рассматривал фрейскую девчонку, потом сказал странную фразу, к счастью, Кайа поняла её, как надо:

– Я удивлён, моя доннина. Мне казалось, я верно понял суть фрейев. Вы жестоки, похотливы и само воплощение зла. Почему же ты не такая? Неужели тьма так сильно меняет вас, превращая из нормальных людей в животное?

Кайа не ответила: она шевелила губами, повторяя слова раба, так лучше воспринималась сложная чужая речь. Малериец не стал ждать, сам потянулся к девчонке, возложил на её голову одну руку и дотронулся к ней, поражённой неким ритуалом, лоб. Но то была магия! Как будто закопошилось под косичками, внутри головы, Кайа не успела испугаться – раб отодвинулся и удовлетворённо сказал:

– Ты влюблена. Прекрасно! Вот что делает твою душу человеческой! – и засмеялся, как будто торжествуя. – Вот она – победа света над тьмой!

Девушка смущённо отряхивала соломинки с одежды:

– Ты не победить. Тьма сильный! – однако мысль о том, что её любовь к Инграму, её нежность и готовность следовать за братом на край Всемирья оценил малериец, заставила пылать лицо внутренним огнём.

– Да, Тьма сильнее Света, – серьёзно согласился раб. – Но зло всегда в принципе сильнее добра, так что удивляться нечему. Поэтому чтобы победить зло, добра должно быть много. Это и любовь, и надежда, и уважение, и даже обычное детская мечта познать мир, моя доннина.

Малериец улыбался, провёл рукой по волосам, вдруг изменился в лице, обнаружив тонкую косичку с металлической застёжкой, стянул её и растрепал волосы, украшение протянул Кайе:

– Забери. Если твоя сестра увидит, тебе попадёт. Лучше не надо.

Раб однозначно был умён, Кайа снова смутилась: так глупо подставить раба и себя перед мстительной Марной... Она небрежно зацепила застёжку на косичке, которая давно была заплетена и вряд ли расплелась бы, поэтому тонкие оплетья больше служили для красоты.

– Вам пора, моя доннина, – раб сложил остатки еды в корзину. – Надеюсь, однажды я смогу вас отблагодарить. И надеюсь, что к тому времени вы ещё будете оставаться человеком.

Протянул руки перед собой, и Аша торопливо нацепила ему браслеты. Встреча получилась такой милой, что хотелось плакать. Проклятая Марна, этот раб должен быть её, Кайи! Хотя бы пока не приедет малерийский принц.

– Я хочу тебя обнять!

– Обними, доннина, я разрешаю, – тихо рассмеялся раб.

– Ты хочешь быть мой друг, мой раб и мой учитель? – обхватывая тёплое гладкое большое тело, она почувствовала несказанное удовольствие. На широкой шее билась жилка, источая сладкий призыв вонзять зубы, Кайа обмерла, почувствовав природный фрейский зов, отпрянула и резко поднялась, скрывая разброд мыслей. – Ты терпеть. Я приходишь завтра ночь.

– Буду ждать, доннина, – улыбнулся раб, не подозревая, что мог стать первой добровольной жертвой юной фрейи.

Подгоняемая смущением, Кайа делала всё быстро – закрыла темницу, вернула ключи и корзину на место. К этому времени сёстры вернулись, Аша это подтвердила.

Кайа не подозревала, что её застёжка для волос соскользнула в каменной клетки и осталась лежать на полу, недалеко от повисшего на одной руке раба.

8. Месть Марны

– Кому какое дело, где я гуляю? – бубнила Кайа, возвращаясь к себе. Проведать её мог только Инграм, а сёстрам было всё равно. На всякий случай было заготовлено объяснение, и, чтобы оно выглядело правдоподобно, она свернула в сторону своей прежней спальни навести там лёгкий беспорядок: тем более соскучилась по своей комнате да взять ещё одну книгу почитать...

Надсадный вой доносился со стороны комнаты Марны. Тяжёлая дверь была полуоткрыта, наверняка для раба, ибо сестры перемещались с террас, лентяй лишний раз ходить по коридорам. Не удержалась Кайа, заглянула внутрь, и подавилась смехом: настолько картина выглядела одновременно уродливой и забавной. Жестокая Марна, предпочитающая издеваться над другими, в эту минуту была добровольной рабыней Дыва, охаживающего её плёткой.

Чтобы не спугнуть развлекающихся, Кайа удалилась, ощущая непреодолимую потребность расхохотаться во весь голос. Позволила себе сделать это на лестнице в башню. Вот так Марна! Если Дыв умел угадывать сокровенные желания, значит, за всей жестокостью сестрицы на самом деле скрывалось её стремление быть самой униженной, почувствовать чужую силу?

Только отсмеявшись, она сообразила, что книгу взять всё-таки забыла. Но облегчение, испытанное после посещения темницы и увиденного в комнате Марны, стало лучшим снотворным.

– Если бы Инграм не улетел, это был бы лучший день в моей жизни, Аша, – на прощание перед сном сказала она своей защитнице, – благодарю тебя за то, что мне помогаешь и защищаешь. Вот увидишь, всё будет хорошо. Ты не пожалеешь, Аша... Мягкой тебе ночи.

Тьма погладила отростками хозяйку, покрутилась и улеглась в ногах. Вскоре принцесса спала мягким сном, улыбаясь во сне, и Аша подобралась ближе, чтобы чувствовать все изменения в её дыхании.

Кайа спала и не могла предвидеть, что после удовлетворения своих тайных желаний, ближе к утру, расслабленная Марна отправилась к рабу – заканчивался её и без того длинный срок, завтра раб по договору перейдёт к Солвег. Незадачливая хозяйка желала на прощание немного поглумиться над непокорённым малерийским магом. Тот был подозрительно свеж, хотя сегодня уже успел получить свою порцию плетей после того, как сестрица-дурочка устроила рабам праздник тела.

Нанося удары по молчаливому, сцепившему зубы, мужчине, Марна раздумывала – уж слишком велик был соблазн: а не выпить ли просто его кровь вместе с магией? Потом вспомнила, как последний раз отравилась, допуская беспечность. Но малериец-то не мог знать секрета своего влияния. Поэтому, чувствуя, как сжимаются (наконец-то!) от страха плечи и шея непокорного, Марна переоблачилась, расправила крылья, особенно сильные после услуг раба Дыва, с наслаждением вдохнула запах страха, выступивший потом на коже, слизнула капли и прошипела:

– Ты думать, что ты особенный, раб? – и зубы готовы были “вонзиться” в трепещущую жилку, но подозрительный запах отвлёк.

На мускулистой спине сохранился еле уловимый сытный аромат копчёного мяса и... кажется, рафа, который слуги и тем более рабы, не смели пить каждый день – лишь по разрешению господ в праздники, посвящённые Тьме. Значит, кто-то тайком подкармливал раба!

Марна опустила на четвереньки и обнюхала пол. Знакомая застёжка с узором плюща нашлась быстро.

– Дря-я-янь! Глупая дря-я-янь! – взревела фрейя, догадавшись об истинной причине упорства малерийца.

Крылья раскинулись, занимая собой всё свободное пространство темницы. Пасть Марны изрыгнула чёрное облако, настолько тёмное, что даже огонь факела сжался.

– Проклинаю тебя, глупая дря-янь! Сдохни, сестрица! – рычащее многоголосье сотрясло каменные стены, посыпалась сверху каменная крошка. Облако стремглав вылетело из темницы, пугая стражников и направляющегося к ним с беспечным видом Дыва.

– Надо было отдать мне магию добровольно! – спустив гнев, Марна вытянула шею, приближая морду ящерицы к поникшему рабу. – М-м-м...

Раздвоенный язык лизнул сжавшуюся шею, пасть ощерилась, выпуская зубы... Но внезапно зачесалось промеж крыльев, и Марна вывернула шею, оборачиваясь на еле слышимый голос:

– О, вы прекрасны, моя донна! Тьма вас так украшает! – на пороге стоял Дыв с плёткой. На его смазливом лице застыла раблепная гримаса. – Ко мне, моя девочка!

– Я не хочу играть! – рыкнула Марна. – Прочь, идиот!

– Я пришёл спасти вас от неводержанности, моя донна! А Фрейнлайнд – от войны.

Марна расхохоталась, перевоплощаясь в человеческое обличье и разворачиваясь к глупому рабу:

– Ты смеешь настаивать, раб? Я выпить кровь твоя и твой друг, если захотеть!

Но кармалиец и глазом не моргнул:

– Ну-ну, малышка, моя девочка, разве мы на сегодня закончили? – подошёл в развалку к обалдевшей от наглости фрейе, поднял кончиком хлыста её лицо за подбородок. – Ты забыла, что пока я тебе не разрешил, ты не можешь уйти.

Марна хмыкнула, кармалиец её развеселил:

– Глупый раб! Это моя игра, я тебе приказывать!

– Так прикажи! – Дыв усмехнулся, указав хлыстом на висевшего к нему спиной Торвальда. – И разверни его, чтобы он видел. Вдруг тогда и он тебя захочет.

Похотливый огонь вспыхнул в глазах Марны, от предвкушения она прищёлкнула языком. Изумлённый рыжий малериец был повернут, гримаса презрения исказила его рот, и Торвальд сплюнул, но Дыв, не обращая на него внимания, потащил принцессу к соломе, повалил её, разворачивая к рабу на цепи, отворачивающему брезгливо своё лицо...

Кайе снился чудесный сон, в котором вернувшийся Инграм на глазах у всех брал её за руку и оставлял печать брачного поцелуя на дрожащих девичьих губах. Сердце забило радостно, Кайа обернулась на стоящих поодаль родных... И вдруг сон оборвался. Кайа открыла глаза.

Над ней, в сумраке рассвета сражались два облака тьмы. Одно было сильнее, оно отрывало от другого кусок за куском, а второе, несмотря на свой небольшой размер, сопротивлялось ожесточённо, пыталось обнять собой нападающую и поглотить. Слитный клубок сжался, замер, и вдруг в разные стороны полетели ключья слабого облачка.

– Аша! – ахнула Кайа, наконец понимая, что происходит. Чья-то чужая тьма...

Не успела она додумать, озлобленная победительница ринулась к ней, облепила грудь щупальцами и вгрызлась в кожу, проникая в сердце. Кайа успела послать мысленный зов:

– Ма-а-ма! – и провалилась в темноту смертельного забвения.

Тьма грызла её изнутри, причиняя невыносимую боль, пока полностью не растворилась в крови, и тогда стало ещё хуже. Тело больше не принадлежало Кайе, она бродила по незнакомой ей местности, не в силах понять, где она находится, почему отсюда нельзя послать зов матушке, почему до сих пор никто не вытащил её отсюда.

Кайа всё шла и шла вперёд, но сумерки не заканчивались, а, наоборот, неотвратимо сгущались. Если раньше глаза прекрасно видели в ночных воздушных чернилах, то здесь не

справлялось даже бывшее острым зрение. Тут разливалась непроглядная Первозданная Тьма и ничего больше. Дышать становилось всё труднее, и Кайа схватилась за горло. Она слышала собственный хрип, как и тяжёлый свист в груди – кажется, Тьма обозлилась на неё за то, что Кайа помогала врагам Тьмы и лишила сестру силы.

– И-ин-гра-а-ам! – захрипела она. Брат её всегда слышал и понимал больше, чем родители. Инграм обязан её услышать! Он – её любовь и смысл жизни... Никто не будет его любить сильнее, чем Кайа, она знает!

Оттого ли, что Инграм услышал её издалека и мчался на Зов, вдруг стало легче дышать, немного, но этого хватило. И Кайа, веря в спасительную связь с братом, повторяла одно и то же:

– Я люблю тебя, Инграм! Помоги мне! Я люблю тебя...

И он прилетел! Правда, вокруг по-прежнему царил мрак, но Кайа чувствовала Инграма. Он бережно коснулся её лица, слегка оттянул нижнюю челюсть – и жизнь хлынула в умирающую вместе с поцелуем.

– Инграм! Я люблю тебя! – подумала она, обессиленная борьбой, и снова отключилась. На сей раз сумрака вокруг больше не было.

Её величество сидела на краю кровати и держала умирающую дочь за руку. Зов разбудил материнское сердце, Отилия прилетела быстро, но застала корчащуюся младшую дочь в одиночестве. Аши рядом не было. Королева провела рукой над телом Кайи, не понимая, в чём дело, и узнала родственную тьму Марны.

Гневный Зов разбудил остальных, но Марна явилась позже Солвег и Улвы, ухмыляющаяся и довольная собой. От обвинений отпираться не стала, коротко объяснила повод для проклятия и свою решимость проклясть снова, если бы время повернулось вспять.

– О, Тьма Охраняющая! – больше всех расстроилась Улва. – Неужели нельзя было Кайе дать хотя бы одного раба, чтобы она успокоилась?! Она всего лишь хотела попрактиковаться в карамалийском! Что теперь будет, матушка?!

Королева смотрела на младшую принцессу, та перестала корчиться, вытянулась и теперь однозначно умирала. Отилия положила ей руку на грудь и воззрилась на довольную Марну:

– Ты могла наказать её кошмарами. Зачем же проклинать?

– Я была зла, матушка. Эта дурочка порушила наши законы, помогла нашему врагу, – Марна с трудом сдерживала торжествующую улыбку, подошла ближе к ложу, наклонилась и вдохнула запах смерти. – И я не знала, что на Кайю это так сильно действует.

– Врёшь, проклятие родственной души сильнее, ты знала! – сердито напомнила Улва.

В тишине все слушали предсмертный хрип Кайи, в сущности, такой же своенравной, как все фрейи.

– Я не могу это выносить! – взвизгнула Солвег и подала пример, выбежала на террасу, распахивая на ней крылья.

– Я тоже, пожалуй, пойду. Устала... – потянулась Марна. – Матушка, разве вам мало трёх дочерей? Кайа совершила преступление против нас всех, а я немного перестаралась. Но не это ли была воля Тьмы Карающей? Пойдёмте спать. Дождёмся отца и вернёмся совершить обряд. Здесь, в бабушкиной башне, всё равно её никто не тронет.

Улва во время этой тирады обошла кровать и положила молчаливой матери руки на плечи:

– Нехорошо оставлять Кайю, она – наша сестра. Путь и глупая, но ты, Марна, такой же дурой была, пока твои крылья не развернулись! Ты единственная из нас ловила насекомых и ела их ещё до тьмы!

– Заткнись, иначе и к тебе прилетит! – огрызнулась Марна.

Хрип Кайи оборвался, она застыла, не издавая звука. И королева похлопала Улву по руке:

– Мы ничего не можем сделать. Тьма забрала к себе мою четвёртую дочь. Подождём отца, пусть он определит наказание Марне и утешит душу моей малышки. Она не успела получить крыльев, а так мечтала о них, бедненькая... Мне нужно одеться, чтобы вознести хвалу нашему Сердцу за его милость. Пойдём.

Отилия поднялась и, обнимаемая Улвой, пошла к террасе. На востоке всходил соларис, и его лучи уже розово ласкали горы. Марна, медлившая и желающая убедиться, что сестра умерла, скрипнула зубами, бросив взгляд в спину удаляющимся и отмечая яркий цвет неба:

– Маленькая глупая гадина, ты всё-таки победила! – плюнула в сторону умершей и последовала примеру матери и сестры, вскоре она парила в небе.

Начинался новый день, поэтому упрямый рыжий раб перешёл под власть Солвег.

Фрейи удалились, и только тогда скрипнули петли на давно разошедшейся входной двери для прислуги. Осторожно, убедившись, что никого, кроме лежащей на кровати, нет, Дыв подошёл ближе. Совсем недавно, в темнице у Торвальда, Марна его оттолкнула, буркнула, мол, её зовёт мать, должно быть, из-за маленькой глупой гадины, и, велев выметаться, исчезла.

Дыв обменялся парой фраз со злым Торвальдом, вынужденным наблюдать непотребство, узнал, что случилось, и на правах раба, о котором все забыли, помчался в сторону хозяйского верхнего яруса. Смерть одного из фрейев карамалийцам была только на руку, но из доверчивой ящерицы, тронувшей сердце Торвальда, уже получился годный сообщник. Поэтому надо было убедиться в том, что ей ничто не угрожает, и попробовать вмешаться, если в этом будет критическая необходимость. Но он опоздал: ящерица определённо умерла от проклятия собственной сестры.

– Мда... – шумно вздохнул Дыв, – а ты бы мне пригодилась... Жаль...

Он сел на кровать, где недавно находилась королева. Из любопытства наклонился посмотреть ближе лицо умершей. После слов Торвальда о том, что во влюблённой девчонке тьмы почти нет, в голову пришла одна идея. Эта ещё была человеком. Интересно, знали ли об этом фрейи? Надо будет у Солвег расспросить...

– И...а...м, – просвистело рядом с ухом.

Дыв изумлённо выпрямился:

– Что б меня! Она сопротивляется! – потрогал жилку на шее. – Точно бесхвостая ящерица! Ну, держись!..

Дыв с трудом снял свой браслет осуждённого в Кар-Малерии, и внешность его стала меняться. Чёрные вьющиеся волосы бледнели, лицо вытягивалось в более мужественное. Двадцатипятилетний карамалиец заметно повзрослел, добавив к возрасту лет пять-семь.

Он наклонился к борющейся со смертью, оттянул нижнюю челюсть, помедлил, призывая свою магию, и выдохнул её в рот Кайе. Скованный за сутки артефактом обильный свет хлынул бурной рекой в вязкую тьму, которая мгновенно растворилась в крови.

Доверчивая принцесса, не получившая священной Тьмы, захлебнулась было чужой магией, но быстро справилась и приняла всю силу очищения, каковой её одарили. Отрава Марны выступила с потом на смуглой коже, и Дыв, почувствовав это, отстранился. Кажется, дело было сделано. Но задрожали веки девушки, и он торопливо прикрыл их рукой:

– Спи-и-и, – магия влияния окутала разум Кайи, и она уснула.

Дыв облегчённо наиграл губами “турум-пу-пум”, застегнул артефакт, возвращаясь в хорошо известный фрейям образ карамалийца.

Однако стоило ещё понаблюдать за результатом. Принцесса-сообщница более чем очевидно ожила, но как поведёт кар-малерийская магия в её теле? Требовалось время, чтобы “след” исчез, часа должно хватить, Дыв проверял дома на артефактах, хотя и по другому поводу... Сейчас бы той самой тьмы, ручной, затереть запах...

Он покрутил головой, осматриваясь, – ни единого признака присутствия сущности, помогавшей принцессе. Позвал негромко:

– Эй, Аша! Ты здесь?.. Мда, печально.

Дыв решил, что королева забрала с собой свою креатуру (Как её там? Материнская защита?), или же Аша умерла раньше своей хозяйки. Выглянул на террасу, прислушался – обе сестрицы-ящерицы находились у себя, вымотанные развлечениями. Подумав об усталости, Дыв невольно зевнул: а ему-то каково? Сукины дети, Ядран и Давор... Неужели Стефан Мудрый решил наказать их и не пустил спасать товарищей, или что-то случилось незапланированное?

Он улёгся на кровать рядом с мерно дышащей ящеркой, зевнул снова и принял максимально неудобную позу – закинул обе руки под голову, – чтобы не уснуть. Привычное натренированное сознание позволило расслабиться, но потерять контроль над телом не дало. Так он пролежал полчаса, затем проверил магический фон у Кайи – запах магии понемногу рассеивался. “Хороший бы ветер сюда”, – с досадой подумал Дыв, но воздух ему не подчинился.

Прошло ещё немного времени и, чувствуя, что всё-таки засыпает, он потянулся – надо уходить, пока его тут не застали. Сел, почёсываясь и думая о том, что стоило бы помыться, как вдруг знакомый до ненависти свист разрезаемого воздуха в одно мгновение заставил отреагировать – Дыв скатился с ложа и заполз под него, закрытое простыней почти до самого каменного пола.

Внизу пыль и паутина пыльным ковром устилала холодную поверхность, Дыв еле сдержался, чтобы не чихнуть. Смахнул с себя липкую работу подкроватных многоножек и затаился. На террасу-балкон приземлилось, судя по шелесту крыльев, двое или трое фрейев.

– Инграм будет расстроен, некстати он отправился в мир, – произнёс голос несколько огорчённого Асвальда Второго. – Жаль. Я возлагал на нашу малышку некоторые надежды.

– Дорогой, я скорблю по нашей дочери не меньше тебя, – сказала грудным голосом королева, и Дыв покачал головой: в Кар-Малерии мать бы вопила, рвала на себе волосы, а эта спокойна, словно у неё застёжка на платье сломалась... Одним словом, проклятые бездушные ящерицы!

Наверняка король опустился на ложе, чтобы прикоснуться к дочери, последовала пауза, в которой Дыв начал обливаться потом от страха. Принюхивался ли ящер? Если он почувствует раба... “Об этом нельзя думать, ищи выход!” – приказал себе Дыв. Мешало сосредоточиться ощущение щекотки на правой руке, должно быть, пауки обследовали незваного гостя. Но пошевелиться было равнозначно смерти – у ящериц слух отменно тонкий, это со вкусом проблемы, жрут всё, что у мага света вызывает рвотный рефлекс...

– Вы меня решили разыграть?! – вдруг рыкнул Асвальд Второй так, что Дыв снизу дёрнулся, царапая руку о каменный скол. – Оти, даже для тебя это слишком!

– Я не понимаю, дорогой, что не так?

– Кайя просто спит, и... Тьма Созидающая!.. – просвистел звук вбираемого в ноздри воздуха.

Громко пошуршало (королева тоже наклонилась к дочери).

“Идиот!” – обругал себя Дыв за намерение выручить потенциальную сообщницу. Он только что своей рукой разрушил всё, что создавал – безопасность намеченного пути для всех! Вдобавок какое-то настырное насекомое впилося зубами в его кожу на пальцах правой руки, и Дыв сцепил зубы, чтобы не почесаться, кожа зазудела ощутимым пятном.

А сверху началось интересное. Спящую Кайю растребушили, желая увериться в том, что она жива. Король пребывал в священном экстазе: его бескрылая дочурка победила проклятие и теперь по праву могла считаться избранной. Семейная идиллия грозила затянуться, если бы Его тёмное величество не почувствовал то, за что боялся Дыв.

Пока ящерицы сверху копошились, разговаривали, обменивались фразами на своём свистяще-шипящем наречии, Дыв относительно был спокоен. Внезапная пауза отразилась морозной волной, как копьём, пронзившей от макушки до пяток:

– Оти, матушка, только не говори мне, что ты не почувствовала это?! Магия малерийца! – гнева в голосе короля не было, скорее свистело удивление.

– Не может быть, дорогой! – не меньше супруга изумилась королева. – Я её проверяла!

Ящерицы увлечённо обнюхали дочь.

– Тьма Всеведущая! – бормотал король, и к этому примешивались звуки, похожие на мурчание: Кайа глухо и неразборчиво бубнила. – Признавайся, малериец делился с тобой магией?

Донеслось полусонное:

– Прости, отец, я не хотела, чтобы Марна его выпила...

Король хохотнул:

– И ты сделала это за неё?! Моя девочка! Избранная!

– Я не пила его... не знаю... не помню... Я звала Инграма, и он мне помог... Я люблю его, отец, больше всех во Всемирье...

Она много чего не знала. Как и того, что в этот момент под её ложем Дыв еле сдерживается, чтобы не заскрипеть зубами во всеуслышание. Какой пассаж! Теперь ящерицы будут думать, что малышка укротила раба! А что сказать Торвальду? Одно было хорошо: кажется, подслушивающего гостя не замечали, приписывая запах врага влитой в дочурку магии.

Вслед сказанное королём уже не удивило:

– Прекрасно, Оти! Наша малышка преподнесла нам сюрприз. Думаю, Инграма по возвращении будет ждать приятность. После инициации наша малышка удвоит силу за счёт магии малерийца и по праву станет достойной королевой. Гвыбоды могут быть спокойны: будущее нашей Тьмы Созидающей в сильных руках. У Инграма будет достойная пара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.